

INSPIRIA

КОВАРСТВО, КРОВЬ, КРИМИНАЛ И КОЛКОСТИ.
АЛАН БРЭДЛИ

ФОРТУНА

—== на ==—

СТОРОНЕ МЕРТВЕЦА

18+

БЛЕСТЯЩИЙ ДЕБЮТ. ДИНА РЕЙБОРН

НЕЗАБЫВАЕМЫЙ РОМАН. PUBLISHERS WEEKLY

СТИВЕН
СПОТСВУД

INSPIRIA

Ток. Логика и игра

Стивен Спотсвуд

Фортуна на стороне мертвеца

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Coe)-44

Спотсвуд С.

Фортуна на стороне мертвеца / С. Спотсвуд — «Эксмо»,
2020 — (Ток. Логика и игра)

ISBN 978-5-04-117399-9

Нью-Йорк 40-х годов. Лилиан Пентикост самый известный частный детектив в городе, но здоровье начинает ее подводить. После знакомства с мисс Паркер, она решает нанять девушку в качестве помощницы. Ведь Уиллоджин обладает уникальным набором навыков: мастерски метает ножи, с завязанными глазами вскрывает любой замок и легко кладет на лопатки мужчин в два раза больше нее. Незаурядной парочке вскоре придется расследовать дело о таинственном убийстве. В особняк Коллинзов, на вечеринку по случаю Хэллоуина, приглашают известную гадалку. После спиритического сеанса Абигейл, хозяйку дома, находят мертвой. Кабинет заперт изнутри, никаких видимых улик. И единственная подсказка — окровавленный хрустальный шар... «Удача на стороне мертвеца» обладает острым как бритва стилем, тоннами таланта, ироничным чувством юмора и всеми лучшими элементами по-настоящему хорошего нуарного романа, а также множеством собственных оригинальных поворотов» — Тана Френч «Коварство, кровь, криминал и колкости: все ингредиенты классического детективного романа. Стивен Спотсвуд варит из них лучшее!» — Алан Брэдли «Спотсвуд берет суровый нуар 40-х, встряхивает его и придает ему незабываемого стиля. Мой новый любимый дуэт сыщиков — Пентекост и Паркер, духовные сестры Ниро Вулфа и Арчи Гудвина. Совершенно блестящий дебют!» — Дина Рейборн «Остроумно! Вам не нужна гадалка, чтобы понять, что этот дуэт будет популярен еще долгие годы.» — Bookpage «Выдающийся дебют Спотсвуда придает классическому жесткому нуару современные черты. Глубокая и продуманная характеристика главных героев в сочетании с богатым на детали описанием и тонким юмором делает этот роман незабываемым.» — Publishers Weekly

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-117399-9

© Спортсвуд С., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

Действующие лица	7
Глава 1	8
Глава 2	14
Глава 3	22
Глава 4	31
Глава 5	38
Глава 6	42
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Стивен Спотсвуд

Фортуна на стороне мертвеца

Stephen Spotswood

Fortune favours the dead

Copyright © 2020 by Stephen Spotswood

© Рокачевская Н., перевод на русский язык, 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

*Моему отцу Бобу Спотсвуду,
который привил мне любовь к хорошему детективу*

*Очень немногие из нас таковы, какими кажутся.
Агата Кристи, «Человек в тумане»*

Действующие лица

Уиллоджин Паркер. Бывшая цирковая артистка, правая рука Лилиан Пентикост. Осваивает радости и разочарования профессии детектива.

Лилиан Пентикост. Выдающийся нью-йоркский детектив. Не так твердо стоит на ногах, как раньше, но в стальной капкан ее ума лучше не попадаться.

Алистер Коллинз. Стальной магнат и бессердечный глава семейного клана. Чуть больше года назад приставил к голове пистолет и поставил точку в собственной жизни.

Абигейл Коллинз. Его жена. Кто-то испортил ей Хеллоуин, забив до смерти хрустальным шаром.

Ребекка Коллинз. Дочь Ала и Абигейл. Смелая, красивая, весьма необычная девушка.

Рэндольф Коллинз. Брат-близнец Ребекки. Пытается заполучить отцовское наследство, и, по его мнению, это предполагает в том числе необходимость держать сестру в узде.

Харрисон Уоллес. Крестный отец Ребекки и Рэндольфа, исполнительный директор «Сталелитейной компании Коллинза». Говорит, что хочет раскрыть убийство Абигейл, но, возможно, только на словах.

Ариэль Белестрад. Медиум и ясновидящая из Верхнего Ист-Сайда. Утверждает, что может говорить с мертвыми, но не оставляет ли она покойников повсюду, куда ступает?

Нил Уоткинс. Бывший университетский вундеркинд, ставший помощником Ариэль Белестрад. Насколько тщательно он следует по стопам наставницы?

Оливия Уотерхаус. Скромная преподавательница университета со страстью к оккультизму. Ее одержимость Ариэль Белестрад явно выходит за рамки чисто научного интереса.

Джон Мередит. Управляющий на заводе и забияка с покрытым шрамами лицом, вечно нарывающийся на драку. Привязан к клану Коллинзов.

Дора Сэнфорд. Давняя кухарка Коллинзов. Не против вынести сор из избы.

Джереми Сэнфорд. Дворецкий Коллинзов. Умеет с бесстрастным лицом хранить семейные тайны.

Элеанор Кэмпбелл. Кухарка и экономка Лилиан Пентикост. Добрая, верная, но с ней не забалуешь.

Лейтенант Натан Лейзенби. Один из самых проницательных полицейских Нью-Йорка. Не стоит его недооценивать. Готов развязать руки Пентикост и Паркер, но лишь для того, чтобы повесить на этой веревке убийцу. Или их самих.

Глава 1

Когда я впервые повстречала Лириан Пентикост, то чуть не проломила ей череп куском свинцовой трубы.

Несколько смен я отработала ночным сторожем на стройплощадке на Сорок второй улице. Многие из нашей труппы передвижного цирка Харта и Хэлловея подрабатывали таким образом, оказываясь в больших городах. Ночные смены и работа в выходные, чтобы успеть после представления и сразу получить деньги на бочку.

В те годы часто можно было найти такую работу. Мужчины, которые раньше этим занимались, теперь отплыли за океан в надежде подстрелить Гитлера. А когда срочно нужно заполнить вакансию, сойдет и двадцатилетняя циркачка.

Особого опыта и не требовалось. Работенка для тупых. Ходить по периметру вдоль забора с одиннадцати часов до рассвета и смотреть, чтобы никто не перелез. А если вдруг это случится, мне следовало трезвонить в колокольчик, орать и поднимать шум, чтобы спугнуть вора. Ну а если не поможет, то бежать за полицией.

По крайней мере, именно этого обычно ждут от сторожа. Бригадир Макклоски, который мне платил, имел другое мнение.

– Если кто-нибудь проберется на стройплощадку, как следует огреешь его вот этим, – сказал он, подкручивая сальные усы. «Это» было свинцовой трубой длиной в пару футов. – Тогда получишь прибавку в два доллара. Покажешь пример.

Кому я покажу пример, я так и не узнала. А еще не знала, что именно можно там украсть. Строительство только началось, и стройплощадка представляла собой, в сущности, огромный котлован размером в полквартиры. Немного древесины, какие-то трубы, чуток инструментов, но ничего ценного. В такой-то близости от Таймс-сквер сюда скорее забредет какой-нибудь пьяный в поисках ночлега.

Я рассчитывала провести там несколько скучных ночей, получить несколько баксов, а поутру успеть обратно в Бруклин, к дневному представлению в цирке. Я также надеялась, что смогу спокойно почитать детектив, купленный в киоске на той же улице. Может, подремать пару часиков где-нибудь в уголке. В дороге поспать в одиночестве, без грохота грузовиков и рычания тигров в клетках – редкое удовольствие.

В первые две ночи все шло так, как я и рассчитывала, – я провела их в одиночестве. Да, Нью-Йорк никогда не спит, но между двумя и пятью дремлют даже эти несколько кварталов в сердце Манхэттена. Хотя за семифутовым деревянным забором вокруг стройплощадки шагов особо и не услышишь. В той яме на полквартиры и впрямь стояла призрачная тишина.

Так что на третью ночь скрип отдираемой от забора доски прозвучал как звон колокола.

С колотящимся сердцем я схватила свинцовую трубу и обогнула котлован. Я была в рабочем комбинезоне и хлопковой рубашке – ткань даже не шуршала при движении. Подметки на ботинках уже истончились от старости, что не шло на пользу ногам, зато позволяло подкрадываться как тень. Я приблизилась к человеку, скрючившемуся на корточках у края ямы.

Он зачерпнул горсть глины и разминал ее пальцами. Я подумывала заорать, чтобы прогнать его, но он был крупнее меня. В другой руке он держал не то трость, не то дубинку – в общем, что-то поувесистей моей трубы. Если я заору и побегу к нему, то могу и не успеть дать сдачи.

Я медленно переставляла ноги, один шаг за другим. Подойдя почти вплотную, я занесла трубу над головой. И задумалась, каково это – треснуть ею человека. Хватит ли мне ловкости, чтобы просто его оглушить? Сыщикам в дешевых романах всегда это удается. Но скорее я расколю ему череп, как яйцо. Живот светло, как будто я смотрю на акробатов.

Когда человек обернулся и посмотрел на меня, я по-прежнему стояла, занеся трубу над головой.

– Я бы предпочла не завершать день сотрясением мозга, – сказала она ровным, как натянутый канат, голосом.

Крепкий молодчик, которого я так испугалась, оказался женщиной, годящейся мне в матери, ее волосы были собраны в тугую и замысловатый узел.

– Вам не положено здесь находиться, – сказала я, пытаюсь сдержать дрожь в голосе.

– Это еще как сказать. Давно вы тут работаете?

– Несколько ночей.

– Хм...

В этом хмыканье слышалось разочарование.

Вообще-то мне следовало ее прогнать. Но по какой-то причине, назовите ее судьбой, или скукой, или пагубным порывом, я продолжила разговор:

– Кажется, Макклоски, это управляющий, только начал нанимать ночных сторожей. Думаю, раньше он сам ночевал здесь в каптерке, чтобы подзаработать. Во всяком случае, так мне сказали ребята из утренней смены.

– Уже лучше, – объявила она.

Она медленно встала, опираясь на трость в левой руке. Высокая и крепкая, в клетчатом костюме, явно дорогом и сшитом на заказ, и в пальто до щиколоток – как у Блэкхарта Барта, когда он целится во врагов из засады.

– Это его каптерка? – спросила она, оглядывая деревянное строение неподалеку.

Я кивнула.

– Покажите мне ее.

К этому времени мы обе уже поняли, что никто никого бить не будет, и я решила: почему бы и нет? Может, потому, что иначе пришлось бы вызывать полицию, а я на дух не переношу людей с жетонами.

Я повела ее в стоящую в углу стройплощадки каптерку. Женщина шла чуть позади, опираясь на трость. Не сказать чтобы хромала, скорее слегка покачивалась. Я не очень разобралась, в чем дело, но трость была явно не для вида.

Макклоски называл эту хибару своим офисом, но даже курятники бывают сколочены крепче. Нам не разрешалось входить внутрь, да и дверь была заперта. Загадочная женщина вытащила что-то из внутреннего кармана пальто – тонкую изогнутую проволоку – и начала ковыряться в замке. Она повозилась с минуту, а потом я не выдержала.

– Нужно подцепить снизу, – сказала я.

– В каком смысле?

Я забрала у нее проволоку и за десять секунд справилась с замком. Я бы и с более сложным справилась с завязанными глазами. В буквальном смысле.

– Если собираетесь регулярно этим заниматься, найдите отмычки попроще, – сказала я.

В последующие годы я видела ее улыбку примерно три десятка раз. Тогда она удостоила меня ею впервые.

– Буду иметь в виду, – отозвалась она.

Внутри халупа соответствовала внешнему виду. Грязная и кое-как сколоченная. Там стоял стол, сооруженный из пары ненужных досок, поставленных на козлы. На нем валялись бумаги. Еще были лампа и армейский телефон, который поставили сюда, чтобы Макклоски мог звонить, не бегая к таксофону. Остальное пространство занимали узкая койка и кипа грязных тряпок, при ближайшем рассмотрении оказавшаяся одеждой.

Моя спутница включила лампу. При свете захламленная каптерка не стала выглядеть лучше. Даже в обезьяньих клетках бывает чище.

– Опишите мистера Маккლოსки, – попросила она, не сводя с меня серо-голубых, как зимнее небо, глаз.

– Даже не знаю. Лет сорок. Выглядит обычно, клянусь.

Взгляд, которым она на меня посмотрела, впоследствии я привыкла называть «разочарованная учительница».

– Ничего обычного не существует, когда речь идет о людях. И не клянитесь, если не заставляют.

Я начала сожалеть, что не пустила в ход свинцовую трубу.

– Ладно, – осклабилась я. – Примерно на фут выше меня, значит, шесть футов, плюс-минус. Вес сотни две фунтов – по большей части жир, но и мышцы под ним есть. Похож на работягу, который любит прикладываться к бутылке. Судя по заплатам на штанах, у него всего две смены одежды, и все вместе и трех баксов не стоят. В общем, дешевка, но хочет, чтобы его считали тузом.

– С чего вы так решили? – осведомилась она.

– С того, сколько он мне платит. А кроме того, он не потратил и двадцати пяти центов на бритве, зато отдал пять баксов за липовые часы.

– Липовые?

– Поддельные, фальшивку.

– Откуда вы знаете, что они поддельные?

– Золотые ему точно не по карману.

И тут что-то блеснуло в ее глазах. Такой взгляд был у Мистерио, когда он распиливал свою прекрасную помощницу надвое.

– У вас есть его телефон на случай непредвиденных событий? – спросила она.

– Конечно. Но он велел звонить, только если случится что-то совсем ужасное.

– Кое-что ужасное и впрямь случилось, мисс...

– Без «мисс». Просто Паркер. Уиллоджин Паркер. Но все зовут меня Уилл.

– Позвоните Маккლოსки, Уилл. Скажите ему, что на площадку проник посторонний и не желает уходить. Скажите, что я спрашивала о золотых часах.

Сказать ему такое было легко, так как все так и было. Когда я повесила трубку, женщина (а она так и не представилась, и не думайте, что меня не покоробили такие дурные манеры) спросила, как звучал его голос.

Я ответила, что поначалу звучал как обычно – сонно и раздраженно. Но когда я упомянула часы, в голос вкрались панические нотки. Маккლოსки сказал, что сейчас же приедет, и велел не отпускать эту женщину.

Она довольно кивнула и села на койку – с прямой спиной, положив трость на колени и сжимая ее руками в перчатках. Потом закрыла глаза. Выглядела она такой же умиротворенной, как моя двоюродная бабушка Айда в церкви. А еще она напоминала портреты обездоленных женщин из журнала «Лайф» – побитые жизнью лица в терпеливом ожидании приближающейся бури.

Я подумывала спросить ее, в чем дело. Или хотя бы как ее зовут. В конце концов, имя-то у нее есть. Но решила, что не доставлю ей такого удовольствия. А потому просто стояла рядом и ждала.

Через десять минут молчания она вдруг открыла глаза и произнесла:

– Уилл, думаю, вам лучше выйти на Восьмую авеню. В двенадцати кварталах к югу есть полицейский участок.

– Хотите, чтобы я привела копов?

– Попросите их вызвать лейтенанта Натана Лейзенби. Скажите, что произошло убийство и Лилиан Пентикост велела немедленно прийти. Если, конечно, они не хотят узнать обо всем из «Таймс».

Я открыла рот, но она стрельнула в меня взглядом, в котором явно читался приказ не спорить, и я выскочила из каптерки и помчалась к Восьмой авеню, но у ворот остановилась.

Как я и говорила, я не люблю официальные власти, как и они меня, в особенности тех, что с пистолетами и дубинками и не прочь пустить последние в ход по собственному разумению. А кроме того, что себе вообразила эта женщина? Что я назову ее имя и сюда примчится целый взвод копов?

Лилиан Пентикост. Да кем она себя возомнила?

Так что я тихо вернулась, обогнув котлован. Прежде чем я успела дойти до каптерки, скрип тормозов на Сорок второй улице возвестил о прибытии Макклоски.

Я поспешила скрыться за шатким строением и пригнулась. Стены были тонкими, и я прекрасно все слышала. Но с тем же успехом могли слышать и меня, поэтому я сидела тихо и неподвижно.

Раздались шлепки шагов по твердой почве, а потом со скрипом отворилась дверь.

– Здравсте. Вы кто? И где маленькая циркачка?

– Я отослала Уилл, мистер Макклоски. Решила, что нам лучше поговорить наедине.

– О чем еще поговорить? В чем дело? Вы кто?

– Лилиан Пентикост. – Послышался тяжелый вздох. Видимо, он узнал это имя и не обрадовался. – А дело в том, что вы носите часы убитого.

– О чем это вы? Это ложь! Я купил эти часы. У парня в баре. Стоили двадцать баксов.

Я покачала головой. Видимо, никто ему не рассказывал, что чем больше подробностей, тем проще запутаться в собственной лжи.

– Полиция, конечно же, спросит вас, в каком баре и как звали человека, якобы продавшего вам часы, и так далее, и тому подобное, – сказала мисс Пентикост. – Но думаю, мы можем без этого обойтись. Потому что никто никогда в жизни не продаст «Патек Филипп»¹ за двадцать долларов.

– Не знаю, что еще за «Патти Филип». Тот парень сказал, что он на мели, нужны бабки.

Визгливые нотки в его голосе обличали вину так же явно, как рекламная вывеска на Бродвее.

– Джонатан Маркел и впрямь нуждался в деньгах, мистер Макклоски. Но не настолько, чтобы отдать вам часы.

– Кто такой Джонатан Маркел?

– Человек, которого вы забили до смерти и у которого сняли с запястья часы.

– Дамочка, да вы не в себе.

– Это спорное утверждение. Меня обвиняли в необузданном нарциссизме, истеричности, галлюцинациях и прочих отклонениях. Но грязь на спине пальто мистера Маркела – это не галлюцинация. Грязь явно не из переулка, где нашли его тело. И проломы в его черепе – тоже не галлюцинация. И уверена, они соответствуют свинцовой трубе, которой вы велели Уилл отгонять забредших на стройплощадку нарушителей.

Даже через стену я слышала дыхание Макклоски. Резкое и напряженное.

Когда мисс Пентикост снова заговорила, слова вырывались рывками, словно что-то удерживало их в горле. Я начала сомневаться, так ли уж она спокойна.

– Я бы догадалась и раньше, но... только вчера сумела осмотреть одежду мистера Маркела... в которой он был в тот вечер. Эта стройплощадка – одна из немногих между его клубом и переулком, где его нашли. Может быть, поначалу у вас и не было злого умысла. Может, проведя весь вечер за выпивкой, мистер Маркел хотел найти местечко, чтобы облегчиться, и пролез в дыру в вашем заборе. Приняв его за вора, вы... его ударили. Но... слишком сильно, да? Случайно?

¹ Марка эксклюзивных швейцарских часов. (Прим. ред.)

– Да... Да, это было случайно.

Он произнес это хриплым шепотом, как будто вот-вот чихнет. Но так и не чихнул.

– Но второй... и третий удары явно не были случайными. Как не случайно вы украли его бумажник и... часы. Или решили скрыть следы преступления. Это не было случайностью.

И надо же было такому случиться, что именно в этот момент у меня затекла нога. Я поменяла позу, стараясь не хрустнуть гравием. Когда я снова устроилась поудобнее, внутри хибары установилась тишина. А потом раздался резкий щелчок взведенного пистолета.

– Не дергайтесь, дамочка. – Паника в голосе Макклоски звучала еще отчетливее. Я буквально слышала, как пистолет дрожит в его руке.

– Мистер Макклоски, не надо закапывать себя еще глубже в яму, в которую угодили. Полицию уже известили. Они приедут... с минуты на минуту.

Ее тон был слегка сердитым, будто она распекает официантку за то, что принесла куриный бульон вместо томатного супа.

Вот только она ошибалась. Полицию определенно никто не известил.

Не знаю, что они там дальше говорили, потому что я тихо проскользнула к двери, напрягшись всем телом в ожидании неизбежного выстрела. Дверь каптерки была открыта. Я заглянула внутрь.

Макклоски стоял спиной ко мне, прицелившись из уродливого пистолета с коротким стволом прямо ей в голову. Я услышала только конец его фразы.

– ...должна быть здесь. Я прихожу, застаю шатающуюся тут женщину. Может, она бросилась на меня с трубой. Которой, как вы говорите, убили того парня.

Мисс Пентикост сидела на том же месте, где я ее оставила, сложив руки в перчатках на трости, лежащей на коленях. С меня градом лил пот, но ни один мускул на ее лице не выдал страха. Вообще-то ее глаза горели чем-то похожим на радость.

Она резко покачала головой.

– Вряд ли полиция примет эту теорию, мистер Макклоски. Копы часто бывают... упрямыми, но редко... тупыми.

Трость выглядела достаточно крепкой – гладкое черное дерево с тяжелым латунным набалдашником. Может, мисс Пентикост собиралась пустить ее в ход, застав его врасплох. Правда, была у меня кузина, которая говорила вот так, запинаясь. И тоже хромала, даже сильнее. Подозреваю, что бросаться на людей и бить их тростью – занятие не из репертуара Лилиан Пентикост.

– Ну... Ваше слово против моего, – ухмыльнулся Макклоски. – Да вы и сказать-то ничего не сможете.

Когда позже меня допрашивали (а как же, уж конечно, допрашивали), я сказала, что действовала, не подумав.

Хотя на самом деле я все обдумала. Меня держали в цирке за проворные руки и быстрый ум. Так что за долю секунды я провела мысленный спор сама с собой.

Один голос утверждал, что нужно сбежать, и будь что будет. Он звучал, как голос Дарлы Делайт. Ди-Ди – бывшая танцовщица и ведет бухгалтерию цирка. Весьма практичная женщина. Когда Большому Бобу Хэлловею, владельцу цирка, приходила в голову очередная гениальная идея (а это случалось пару раз в неделю), Дарла рассчитывала стоимость и отвергала девять из десяти затей как полную нелепость.

«Нужно думать о затратах, – говорила она. – В особенности о невидимых. О всех, которых не будет в счетах, но в конечном итоге дорого тебе обойдутся. Все эти затраты в конце концов пнут тебя по заднице».

Другой голос в моей голове звучал как отцовский. Он никогда не раздумывал над ценой. Просто делал что хочет, и к черту тех, кто при этом страдает. Я чаще прислушивалась именно к его голосу и старалась с этим бороться.

Макклоски что-то пробормотал, но я не разобрала. Однако после его слов мисс Пентикост подалась вперед, как готовящийся сорваться с поводка пес.

– Кто? – спросила она. – Кто вам это сказал?

– Ну, в общем... – пробубнил он, больше себе, чем ей. – Семь бед – один ответ.

Он крепче сжал пистолет и плотнее обхватил спусковой крючок.

Времени для раздумий больше не было. Я приняла решение. Присела, задрала штанину и схватилась за рукоятку ножа, спрятанного в кожаных ножнах у голени.

После многочасовых тренировок с Калищенко в бесчисленных пыльных полях между Айдахо и Бруклином это было даже слишком легко. Я выпрямилась, одним движением вытащила нож и метнула его над головой по длинной дуге.

Помню слова Калищенко, произнесенные с густым русским акцентом. «Не бросай нож. Не выбрасывай вперед руку. Бросай все тело вперед. Главное – научиться вовремя отпускать нож».

Я бросила тело вперед и отпустила нож вовремя.

Сбалансированный клинок с тошнотворным шлепком вошел в цель. Но только не в выщербленную деревянную мишень, а в спину Макклоски, погрузившись на все три дюйма. Позже я узнала, что острое кольнуло сердце. Не сильно, но этого оказалось достаточно.

Пистолет выпал из его рук. Мисс Пентикост тростью отбросила оружие подальше. Макклоски пошатнулся, пытаясь дотянуться до торчащего в спине ножа. А потом рухнул ничком, ударившись головой о край койки. Издал напоследок утробное бульканье и затих.

Мисс Пентикост опустила на колени рядом с телом. Я решила, что она проверит пульс. Но вместо этого она потянулась к часам. Несколько быстрых движений, и крышка часов открылась, а под ней обнаружилось маленькое скрытое отделение. Его содержимое исчезло в руке мисс Пентикост, а потом во внутреннем кармане пальто. Затем она снова закрыла часы.

– Как вы себя чувствуете? – спросила она, вставая.

– Не знаю.

Мои ладони дрожали, а дыхание было учащенным и неглубоким. Я находилась на грани обморока.

– Идти можете? – спросила она.

Я кивнула.

– Хорошо. Боюсь, нам обеим... придется пойти в полицейский участок.

– Это обязательно? – спросила я. – Просто я не люблю копов.

Она почти улыбнулась.

– От них есть своя польза. И они не любят, когда трупы бросают где попало. Но я пойду с вами.

Мы двинулись через двенадцать кварталов ночного Нью-Йорка. Я шла медленно, приравливаясь к спутнице, а еще потому, что меня по-прежнему слегка трясло. Здания выглядели выше, улицы – уже. Все казалось более высоким, темным и угрожающим.

Мисс Пентикост положила руку мне на плечо и не снимала ее почти всю дорогу к полицейскому участку. По какой-то необъяснимой причине мне полегчало. Как будто она передала мне часть своего спокойствия, которого не растеряла, даже глядя в дуло пистолета.

Она не поблагодарила меня за спасение своей жизни. Да, если задуматься, в этом и не было необходимости. Потому что взамен она дала мне во сто крат больше.

Лишь много лет спустя, когда кто-то предложил мне записать нашу историю, я вспомнила о тех «невидимых затратах». Они оказались куда выше, чем я могла себе представить. Однако я никогда не вела их подсчет. Наверное, придется сейчас, когда я все это пишу. Даже не знаю, сойдутся ли дебет и кредит.

Глава 2

Мисс Пентикост помнила о своем обещании оставаться со мной целых десять минут после того, как мы вошли в участок. Нас разделили: меня увели в комнату без окон, для допроса, где я провела несколько часов и меня обрабатывали сменяющиеся красномордые мужчины в дешевых костюмах.

Я подумывала воспользоваться девичьим очарованием, но это мне никогда не давалось. Флиртовать тоже. Я не была одета для такого случая и не питала иллюзий относительно собственной внешности. От отца я унаследовала вздернутый нос и кустистые брови, а неуклюже рассыпанные по скулам веснушки получила от матери.

Так что я решила говорить правду. Почти правду.

Все началось с пары сержантов, которые выспросили про события этой ночи – с начала, с конца и про какие-то отдельные выборочно. Я многое им рассказала, за исключением фокуса с часами, а это была существенная деталь, о которой было сложно умолчать.

Потом сержантов сменил детектив, чей затылок так взмок, что я удивилась, как это ему доверили оружие. Он снова расспросил про ночные события и особое внимание уделил тому, что говорила мисс Пентикост относительно Джонатана Маркела.

И я снова рассказала многое, за исключением одного.

Через час – новая смена. Еще один детектив, на сей раз с суровым и холодным, как гранитная скала, лицом, с черной седоватой бородой, спускающейся аж до виндзорского узла его галстука. Бывалый коп – по крайней мере, так я предположила по его возрасту, поведению и тому, как младший детектив сжался и кивнул ему по пути к двери. Оказалось, что бородатый гигант – а ростом он был выше шести футов – это лейтенант Лейзенби, тот самый, которого упоминала мисс Пентикост. Если у меня и было впечатление, что они друзья, лейтенант быстро меня от него избавил.

«Сколько вам заплатила мисс Пентикост? Когда она вас наняла?»

«Это Пентикост подложила пистолет или вы? Кто ее клиент?»

«Она сказала вам, кто на самом деле убил Маркела? Если вы все нам расскажете, окружной прокурор предложит вам хорошую сделку».

И все в таком духе.

Для того, кто не привык нос к носу сталкиваться с законом, все это могло бы показаться полным кошмаром. Но бродячему цирку то и дело приходится увильнуть от закона и порядка, а то и прямо игнорировать, и я частенько оказывалась в полиции, где на меня пытались надавить местные копы, а в мелких городках – шерифы. Честно говоря, деревенские шерифы пугали меня куда больше, чем городские полицейские.

Если Лейзенби рассчитывал с наскака выудить из меня все факты, то ему не повезло. В конце концов он и сам это сообразил и дал мне подписать показания. Прочитав их и убедившись, что ничего не добавлено, я подписала.

– Уиллоджин Паркер? Это настоящее имя? – спросил он, когда я закончила выписывать вензеля подписи.

– Думаете, кто-нибудь хочет по собственной воле назваться Уиллоджин? – отозвалась я, пытаясь изобразить очаровательную улыбку. С улыбкой, естественно, ничего не вышло.

– Я не склонен верить ни единому слову в этом документе, – сказал он, забирая показания. – И детективы тоже вряд ли поверят. Мы проверим каждую деталь. А пока что, если захотите что-то добавить, дайте знать.

– Конечно. По какому номеру я могу вам позвонить?

Теперь настал его черед ухмыляться. А потом он приказал отвести меня в каталажку.

Поначалу охранник собрался поместить меня в мужское отделение, но я сняла кепку, обнажив копну рыжих кудрей, и он быстро отвел меня в другую часть здания, в меньшее и даже чуть более чистое женское отделение.

В камере я провела следующие три дня, почти не общаясь ни с кем, кроме охраны. Единственным исключением стало первое утро, когда на рассвете ко мне присоединились три девушки из борделя в Чайна-тауне. Очевидно, владелец забыл заплатить судье, и расхлебывать пришлось девушкам. Они приняли меня за коллегу по профессии и дали номер своего хозяина, объяснив, что есть спрос на девушек, похожих на мальчиков, и наоборот. Хотя мне-то это и так давно было известно.

Но я все равно пару часов выслушивала обо всех подводных камнях профессии и собственных ей особенностях в этой части Нью-Йорка. К обеду девушек отпустили под залог, и я осталась одна, не считая клопов, коих были несметные, хоть и невидимые, полчища. Я выклянчила у охранника старую газету и положила ее на матрас, в надежде сделать заслон между собой и паразитами. Хотя понимала, что по возвращении в цирк Харта и Хэллоуея всю одежду придется отдраить и отскоблить, а то и сжечь.

Если, конечно, я вернусь.

Через три дня цирк собирался уезжать, а я не имела представления о том, что со мной будет.

Забавно, но больше всего меня мучила не угроза попасть в тюрьму за убийство. А взгляд Лейзенби, когда я сказала, что Уиллоджин Паркер – мое настоящее имя. Потому что я соврала.

Уиллоджин – мое официальное имя. Да, не слишком распространенное, но его дала мне мама, и я не решилась от него избавиться. Но, присоединившись к цирку, я сменила фамилию. Позаимствовала ее у персонажа одного из выпусков журнала «Черная маска»².

Я твердила себе, что разыскать мою родню – все равно что иголку в стоге сена. А кроме того, что в этом страшного? Я уже взрослая, а не испуганная девочка, сбегавшая из дома много лет назад.

Однако, сидя в камере, я все больше нервничала, а расчесывание старых ран, как и в случае с укусами клопов, только усугубляет положение. Вторую ночь я провела в одиночестве. Камеру освещала лишь мутная лампочка в дальнем конце коридора. Бравата, которой я прикрывалась как щитом, испарилась. Я представляла, как открывается дверь камеры и входит отец, с багровой физиономией и намотанным на кулак кожаным ремнем.

«Нашлась пропажа!»

Я крепко зажмурилась, пока наконец не провалилась в прерывистый сон.

Почти в полдень третьего дня заключения дверь камеры открылась. Но никто не вошел. Вместо этого меня вывели наружу и проводили наверх, в другую комнату для допросов. Теперь в люксовую. С окном и стульями, которые не шатались. На полчаса меня оставили в одиночестве, а потом дверь открылась, и ввалилась Ди-Ди, лавиной из крашенных рыжих кудрей и пышного зада.

– Уилл, малышка, я так волновалась!

Она бросилась меня обнимать, но я отстранилась.

– Лучше не надо, – предупредила я. – Сначала нужно вывести паразитов.

Она удовольствовалась тем, что чмокнула меня, и села напротив за стол для допросов.

– Что происходит, Ди-Ди? Я три дня как выпала из реальности.

– Я точно не знаю, детка. Кажется, копы выясняют подробности убийства этого Маркела. Но похоже, его точно прикончил Макклоски. По крайней мере, так пишут в газетах.

– Об этом пишут в газетах?

² «Черная маска» – журнал с «крутыми» детективами, выпускавшийся с 1920 года. В нем печатались такие писатели, как Раймонд Чандлер, Эрл Стэнли Гарднер, Дэшил Хэммет. (здесь и далее прим. переводчика.)

– Уже два дня на всех первых полосах, – заулыбалась Ди-Ди. – И все про то, что Макклоски наверняка уже и раньше этим занимался, только никто не пронюхал. И как эта Пентикост утерла нос полиции. В общем, сегодня тебя выпустят.

– Да! – я с ликованием треснула по столу кулаком. – Никогда не была так счастлива вернуться в свою бугристую кровать рядом с тигриной клеткой.

Ди-Ди нахмурилась. Этот взгляд она обычно приберегала для Большого Боба, на случай особенно дорогостоящих идей.

– Об этом я и хотела с тобой поговорить, – сказала она. – Эта Пентикост заходила к нам вчера. Целый час сидела в трейлере Большого Боба и забрасывала его вопросами.

– О чем?

– О тебе. Кажется, у нее есть к тебе предложение.

Я немного настороженно откинулась на стуле.

– Что еще за предложение?

– Какая-то работа. Долгосрочная. Боб сказал, она особо не распространялась. Но убедила его, что знает, о чем говорит. Он сказал, тебе стоит ее послушать.

– Боб хочет меня выгнать?

Ди-Ди наклонилась через стол и взяла меня за руку.

– Вовсе нет. Он просто думает, что это в твоих интересах. И я, между прочим, с ним согласна.

– О чем ты говоришь, Ди?

Для Боба и Ди-Ди цирк был всем, альфой и омегой их существования. Не могу представить, чтобы они выступали против жизни под куполом цирка.

– Дело в том, милая, что век передвижных цирков заканчивается. Публика исчезает на глазах. С нами конкурируют парки аттракционов. Крупные труппы поглощают мелкие. Сама знаешь. И становится только хуже. Лучше уйти на своих условиях, чем получить уведомление об увольнении.

Последние пять лет я дышала цирком. Покинуть его – все равно что отказаться от кислорода.

– Я не утверждаю, что ты должна принять предложение, – сказала Ди-Ди. – Просто советую ее выслушать. Взвесь все «за» и «против», с ясным умом, как тебе свойственно.

Она встала.

– А теперь давай обнимемся, и плевать мне на твоих насекомых.

Она сграбастала меня в объятия и постаралась сломать мне ребра.

– Если ты все-таки согласишься, но эта Пентикост слетит с катушек или окажется какой-нибудь извращенкой, ты всегда можешь вернуться. Поняла?

– Поняла, Ди.

– Люблю тебя, Уилл. Береги себя.

И с этими словами она вышла.

Через несколько минут охранник, с которым я раньше не встречалась, отвел меня вниз через лабиринт коридоров и выпустил через заднюю дверь. Там меня ожидал черный седан «кадиллак». За рулем сидела немолодая женщина таких габаритов, что едва помещалась на сиденье. Выглядела она как плод любви циркового силача и охранницы женской тюрьмы.

– Ты, что ли, зовешь себя Уилл Паркер? – спросила она с таким колючим шотландским акцентом, что об него можно было ободрать кожу.

– Именно так меня и зовут.

– Я отвезу тебя к мисс Пентикост, – прокаркала она. – Садись сзади. Я там постелила простынку. Кто знает, что ты подцепила за три дня в этом аду.

Я села сзади, стараясь не дотрагиваться до не покрытой простыней поверхности. По пути машина тряслась и виляла, а женщина за рулем нажимала на тормоза всякий раз, когда пеше-

ход хотя бы бросал взгляд в ее сторону. Мы проехали по Бруклинскому мосту в довольно приличный квартал. Машина остановилась перед трехэтажным домом из бурого камня, от соседних домов его отделяли узкие переулки, закрытые калитками. Женщина провела меня внутрь, затем по короткому коридору, уставленному скамейками с мягкими сиденьями. Мы миновали весьма представительный кабинет и поднялись по лестнице на второй этаж. Она привела меня в маленькую спальню с собственной ванной.

На кровати лежала сложенная одежда, в которой я опознала собственную.

– Мисс Пентикост взяла на себя смелость привезти кое-какие твои вещи. В ванной есть мыло и чего там еще тебе надо. Хорошенько помойся, а когда будешь готова, мисс Пентикост примет тебя в кабинете внизу. Все, что на тебе, оставишь в ванной, я пригляжу, чтобы эту одежду как следует постирали.

– Мне кажется, лучше всего ее как следует сжечь.

Она фыркнула, что, как я посчитала, было ее версией смеха, и оставила меня мыться.

Я впервые в жизни пользовалась настоящим душем. Я вывернула краны до состояния кипятка и стояла под горячей водой, пока она не закончилась. Несколько минут я расчесывала волосы, которые за три дня сбились под кепкой в колтуны. Потом надела чистое – еще одну голубую хлопковую рубашку, чуть менее приличные ботинки и вельветовый комбинезон, купленный на распродаже в отделе для мальчиков. Комбинезон сидел как влитой. Не очень подходящий наряд для собеседования, если именно это мне предстояло, но другого все равно нет.

Я спустилась в кабинет, мимо которого проходила по пути в спальню. Он был на удивление большим – наверное, занимал половину первого этажа. Вдоль двух стен тянулись полки с книгами, в основном фолиантами в кожаных обложках, явно скучными. Я предпочитала мягкие обложки с кричащими картинками и вооруженными до зубов героями. Если честно, до сих пор предпочитаю.

Там, где стены не были закрыты полками, были видны обои приятного желтого цвета с крохотными синими макаками. В дальнем углу стоял массивный дубовый стол, а у стены справа – стол поменьше, с пишущей машинкой. Освещалась комната угловыми торшерами и парой настольных ламп с абажурами из зеленого стекла – на обоих столах.

Над большим столом висела картина маслом, шириной с мой рост, на ней было изображено сучковатое дерево посреди пустого желтого поля. Я подумала, что мне бы было жутковато с такой картиной за спиной.

Перед столом полукругом стояло несколько кресел со светло-желтой обивкой в тон обоям. Кресла выглядели скорее практичными, чем декоративными, а их расположение предполагало, что здесь часто собираются люди, все внимание которых сосредоточено на том, кто сидит за столом.

Я села в самое большое кресло и стала ждать. Маленькие и изысканные настенные часы отсчитывали минуты.

Разглядывая картину, я заметила новую деталь: в тени дерева сидела женщина в платье василькового цвета, положив ногу на ногу. Я подалась вперед, чтобы рассмотреть получше, но тут открылась дверь и вошла мисс Пентикост.

Она была одета так же, как и три дня назад, – в костюм-тройку, явно сшитый для женщины, дополненный красным шелковым галстуком. В теплом свете ламп я различила подробности, которых раньше не замечала. Ей было лет сорок пять или чуть меньше. Высокие острые скулы грозили врезаться в глаза, крупные губы и слишком острый подбородок. Но больше всего привлекал внимание нос – не сказать чтобы крючковатый, но стремящийся к этому.

Волосы у нее были того темно-каштанового оттенка, который большинство женщин приобретают искусственным путем, но ее цвет точно был натуральным.

– Надеюсь, у вас была возможность помыться, – сказала она, устраиваясь в кожаном крутящемся кресле за столом.

– Да, спасибо.

– Вы поели?

– Со вчерашнего ужина ничего не ела, – ответила я. – Давали болонскую колбасу и сыр. По крайней мере, я думаю, что это была болонская колбаса. Я не присматривалась.

Она с отвращением сморщила нос.

– Миссис Кэмпбелл готовит обед. Жареную курицу. В этом доме мы предпочитаем мясо, происхождение которого можно определить.

– Мне вполне подойдет.

Это слабо сказано. После трех дней на тюремной пище и пяти лет в цирке жареная курица звучала как нечто фантастическое, а не просто еда.

– Помимо того, что вас де-факто морили голодом, надеюсь, в полиции с вами не обращались вопиющим образом.

Я никогда не слышала слов «де-факто» и «вопиющий» в бытовом разговоре, но сумела перевести их на нормальный язык.

– На меня кричали, тыкали в меня пальцем и обзывали мерзкой грязной лгуньей, – ответила я. – Но дубинками не размахивали.

Она кивнула.

– Хорошо. Простите, что так задержалась с вашим освобождением. Бюрократические проволочки, по крайней мере так сказали моему адвокату.

– Да, думаю, они рассчитывали, что я расколюсь и скажу, будто вы спланировали все это дело. Что бы это ни было за дело.

Она махнула рукой, словно отгоняя муху.

– Полиция иногда такое любит. Так и не усвоили, что корреляция не равнозначна каузальности.

На этой фразе мой внутренний переводчик сломался.

– Как-как?

– То, что я занимаюсь расследованием преступлений, не делает меня виновной в этих преступлениях. Совсем наоборот. Они зашли в тупик в этом деле, но благодаря мне произошел прорыв – я привела их прямо к покойному мистеру Маккроски. – Я пару мгновений поразмыслила над этой логикой. – Тип вроде него, проламывающий головы ради часов и бумажек, рано или поздно все равно очутился бы в тюрьме или в могиле. Вашей вины тут нет. – Она медленно и удовлетворенно кивнула. – Вот такая прагматичная философия. Возможно, чересчур мрачновато-оптимистичная.

– А, ну да. Конечно, – сказала я, будто поняла, о чем она говорит. – Так что насчет халтурки?

– Халтурки?

– Ди-Ди сказала, у вас есть предложение. И что я должна хорошенько подумать, прежде чем его отвергнуть.

– Что вы знаете о моей работе? – спросила она.

Вы должны понять, что предыдущие пять лет жизни я в основном каталась туда-сюда по стране, спала в трейлерах и грузовиках и получила довольно-таки уникальное образование. Но в него не входило регулярное чтение нью-йоркских газет.

Вы наверняка подумали: ну как эта деваха может не знать, кто такая Лилиан Пентикост? Самая известная женщина-детектив в городе, а то и в стране. Женщина, выследившая убийцу Эрла Рокфеллера. Раскрывшая личность Бруклинского мясника. К которой обратилась сама Элеанор Рузвельт, когда кто-то попытался на нее надавить.

На все это я могу ответить только одно: я способна с завязанными глазами вскрыть замок, пройти по канату в двадцати футах над землей, причем без страховки, и побороть мужчину в два раза крупнее меня. А вы?

Однако ей я ответила вот что:

– Я знаю о вашем занятии только то, что рассказали в полиции. Вы вроде как частный сыщик.

– Да, частный детектив.

– И люди платят вам, чтобы вы разгадывали загадки, когда полиция заходит в тупик.

– Обычно я беру дела, с которыми полиция не может справиться или по каким-то причинам не желает тратить на них время и усилия.

– Вроде убийства этого Маркела?

– Это был необычный случай. Маркел – мой знакомый, так что тут дело немного личное.

При этих словах она отвернулась. Что довольно показательно. И тут я впервые заметила, что ее левый глаз не в порядке. Он не был того же серо-голубого оттенка, как правый. И выглядел каким-то плоским, по-другому отражал свет. Позже я выяснила, что он стеклянный. За годы она поменяла несколько, и ни один не соответствовал ее цвету в точности.

– Так какое это имеет отношение ко мне? – поинтересовалась я.

– Как вы наверняка заметили, у меня есть некоторые физические ограничения.

– Ага, заметила. Это склероз, да?

– Рассеянный склероз. Вы очень проникательны.

– У меня была кузина со склерозом. Правда, ее состояние было хуже вашего.

Это мягко сказано. Когда я видела Лауру в последний раз, она проводила в постели больше времени, чем на ногах.

Мисс Пентикост мрачно кивнула.

– Да, врачи говорили, что у меня симптомы прогрессируют медленнее, чем у других. – Она бросила злой взгляд на прислоненную к столу трость. – Но все же прогрессируют.

В здоровом глазу мелькнуло нечто похожее на ярость. Мисс Пентикост глубоко вдохнула и медленно выдохнула, и это выражение исчезло.

– В моей профессии много стрессов, она изматывает и физически, и умственно. К несчастью, это усугубляет мое состояние. А значит, я часто слишком истощена, чтобы отвечать на письма, разговаривать с людьми и выполнять другие насущные обязанности. Миссис Кэмпбелл – великолепная кухарка и экономка, но в остальном ее способности ограничены. И, честно говоря, ее воображение еще более ограничено.

– Так для чего вы хотите меня нанять? – спросила я. – Работать секретаршей? Я ведь не умею печатать на машинке, у меня даже нет ни одной узкой юбки.

– Скорее помощницей, чем секретаршей, – ответила она. – Вы будете заниматься рутинной работой в офисе, но не ограничиваться его пределами. Как вы уже выяснили в ту ночь, немало работы, где придется побегать, хотя результат редко бывает таким кровавым. Что до административной части должности, то я уверена, что вы научитесь печатать. Судя по тому, что сказал мне мистер Хэлловей, у вас ясный ум и вы быстро схватываете. Что же касается дресс-кода, – продолжила она, – не вижу причин, почему бы в этом доме вам не носить то, что нравится. Лично я предпочитаю костюмы. Многочисленные карманы приходятся очень кстати. В обмен вы получите комнату и питание, а также оплату любых расходов на необходимое обучение. Жалованье будете получать каждые две недели.

Она назвала сумму, от которой у меня чуть глаза не выпали. Даже один платеж составит больше, чем все деньги, которые я когда-либо держала в руках. И все же, чтобы обналечить этот чек, мне придется порвать со всем, что меня окружало после побега из дома. С друзьями. С семьей. С моим миром. И перейти на работу к женщине, с которой я едва знакома.

– Почему я? Если из-за того, что я тогда сделала, просто дайте мне несколько баксов, и мы в расчете. Вы наверняка можете найти кого-нибудь получше. Людей, которые точно знают, как делать то, что вы просите.

Она ответила только через десять секунд. Мисс Пентикост не из тех, кто разбрасывается словами, и частенько заставляет людей ждать, пока сидит с каменным лицом, задумавшись над ответом.

– Наверное, вы правы, – наконец сказала она. – Но я привыкла доверять своему чутью. Сначала – увидев вашу способность наблюдать и действовать, а потом – услышав о ваших особых талантах и умении учиться, я решила, что вы именно та, кто мне нужен.

В общем, да, наверняка были более подходящие для этой работы люди, но я справлюсь. Предложение звучало привлекательно, но чуточку слишком хорошо, чтобы быть правдой. И все же осталась проблема с часами. Я просто не могла выкинуть это из головы.

– Я ценю ваше предложение, – сказала я. – Но должна спросить... Вы, часом, не шпионка? Я через многое могу переступить, но не стану подписываться на сотрудничество с нацистами.

Она удивленно выгнула бровь.

– А почему вы так решили?

– Тот фокус с часами. Обычно в часы не прячут ценности. Ничего крупного там не поместится. К тому же лучше прятать в тот предмет, который не украдут. Я думаю, там было какое-то послание.

Ее взгляд подтвердил верность моей догадки.

– Не беспокойтесь, – добавила я. – Я ничего не сказала копам. Решила, что если они не узнают, то и не смогут мне ничего сделать. Но я не хочу, чтобы эта тайна вернулась и дала мне пинка под зад, понимаете?

Она снова надолго замолчала.

– Я не шпионка и не нацистка. Как и не был таковым мистер Маркел, – сказала она. – Записка в часах имела личный характер.

– Ясно.

Она покачала головой.

– Не такого рода личный характер, о котором вы подумали.

Не сказать, что я поверила ей, но решила больше это не ворошить.

– А это не имело отношения к тому, что напоследок сказал Маккლოსки? – спросила я.

– В каком смысле?

– Он что-то произнес, но я не разобрала. Вас это взбудоражило. Вы спросили его: «Кто вам это сказал?»

Она окинула меня взглядом, значение которого я не расшифровала. Как будто она поняла, что не уверена в родословной щенка, которого взяла из приюта. Она глубоко вздохнула и нервно переплела пальцы.

– Если вы согласитесь на эту работу, я посвящу вас почти во все мои расследования. Поступить по-другому было бы непрактично. Но вы должны понимать, что я не буду делиться с вами всем. О некоторых делах... тех, которыми я занимаюсь уже несколько лет, и тех, которые опасны, я не буду вам говорить. Вам это ясно?

– Конечно. Все артисты, с которыми мне довелось работать, скрывали какие-нибудь детали. Обычно свои лучшие финты.

– Финты?

– Трюки. Уловки. Ухищрения.

Она одобрила аналогию кивком.

– Я понимаю, что, приняв предложение, вам придется мне довериться, – сказала она. – Не могу обещать, что вы будете счастливы. Счастье – тонкая материя, как я обнаружила. Но думаю, могу обещать, что работа будет интересной.

– Я должна ответить прямо сейчас?

– Конечно нет. Возьмите день на размышления. – Она вышла из-за стола и взяла с маленького стола пакет. – Когда я уходила из цирка, меня остановил мистер Калищенко. Он просил передать вам это.

Она вручила мне пакет. Он был тяжелым, хотя и небольшим, обернут в коричневую бумагу и связан бечевкой, к одной из сторон был прикреплен запечатанный конверт.

– Пойду на кухню, узнаю, как там обед.

Когда она ушла, я открыла конверт. Я никогда не видела почерк Калищенко, но именно таким его и представляла – мелкий и элегантный, но слегка небрежный. И без русского акцента, конечно же, но я все равно его представила во время чтения.

Дорогая Уилл!

Как-то раз ты сказала мне, что считаешь цирк своей настоящей семьей. Думаю, ты знаешь, что я оставил свою семью далеко – там, в степях, и чувствую примерно то же самое. Но в молодости не стоит цепляться за семью. Нужно пытаться вознестись к новым высотам. Главное – вовремя отпустить прошлое.

Всегда твой друг,

Валентин Калищенко, Танцор с ножками, Мастер огня, единственный и последний наследник Распутина.

P.S. Я слышал, что комиссариат не вернул тебе нож. Надеюсь, этот станет подходящей заменой. Я также надеюсь, что тебе никогда больше не придется использовать его по тому же назначению. Однако надежды так хрупки, а жизнь в этом мире так тяжела. И ты должна быть к нему готовой.

Я вскрыла пакет и обнаружила не один, а целый набор метательных ножей. В отличие от того, который остался в спине Макклоски, у каждого была деревянная рукоятка, обработанная маслом и отполированная от многократного использования. Эти ножи Калищенко привез из России, когда бежал оттуда в разгар революции. Самый лучший прощальный подарок, какой я только могла вообразить.

И тут до меня дошло. Он писал так, словно я точно уйду. Считал, что я уже согласилась.

Впервые за эти годы я заплакала. Всего на минутку. Потом все прошло, я вытерла слезы и положила письмо и ножи на маленький стол.

Теперь это мой стол, как я поняла.

Когда я в первый раз покинула свой дом, то бежала со всех ног. В этот раз меня потребовалось немного подтолкнуть. Но нет смысла спорить с наследником Распутина.

И я пошла на кухню, посмотреть, что там готовят.

Глава 3

Прошло три года.

За это время много чего случилось, хватит и на дюжину книг. И вы гадаете, почему я не начала с первого дела, над которым мы с мисс Пентикост работали вместе. Это потому, что я не знаю, как все получится.

Возможно, я напечатаю «Конец» и больше не захочу нажать ни на одну клавишу пишущей машинки.

А если я собираюсь рассказать только одну историю, то почему бы и не про убийство в семье Коллинз. Во многих смыслах это был переломный момент для нас обеих. Как первая упавшая костяшка домино, за которой посыпались все другие, оставив мне на память несколько серьезных шрамов, как физических, так и душевных.

Но первым делом я поняла, что многого недоговариваю о своей биографии. Так не пойдет, если я хочу, чтобы вы поняли все последующие события. Вот самое основное.

Родилась я в маленьком городке. Нет смысла говорить вам его название, так вам не придется притворяться, будто вы о нем слышали. Я единственный ребенок в семье, мама умерла, когда мне было шесть, а отец – железнодорожник в третьем поколении и алкоголик в четвертом. Так что вас вряд ли удивит, что я сбежала из дома на следующий день после пятнадцатилетия.

Я побывала в двух городах, прежде чем наткнулась на передвижной цирк Харта и Хэлловея. Я напросилась с ними и подружилась с девушками из кордебалета, которые выступали в больших номерах и показывали стриптиз в шатре после заката. К тому времени как цирк добрался до следующего города, меня практически удочерили. Трудно сказать, как меня воспринимали – не то как младшую сестренку, не то как дочь, которой у них никогда не было. В общем, мне дали работу на самой нижней ступеньке. Хотя скорее мне приходилось задирать голову и вытягивать шею, чтобы увидеть нижнюю ступеньку. Первые несколько месяцев я драила клетки с животными и отхожие места – занималась всем, что мне поручали.

Когда я доказала, что могу, не покачнувшись, набрать полную лопату навоза, мне доверили готовить шатер для представления, подавать реквизит и разогревать публику.

Я пробыла в цирке где-то года полтора, когда Красотка Лулу слегла с осенней простудой и Мистерио с Калищенко оказались без ассистентки.

Никто из девушек кордебалета не хотел оказаться ни в шаловливых руках Мистерио, ни столкнуться с тяжелым характером Калищенко, так что меня повысили. Я натягивала наряд, в котором оставалась почти голой, – расшитое блестками и стекляшками бюстье, девчонки набивали его лоскутками. Каждый день я переходила от фокусника к метателю ножей и обратно.

Я не имела ничего общего с Красоткой Лулу, и сколько ни набивай бюстье, все равно выглядела собой – пятнадцатилетней пацанкой в одолженных кем-то блестках. Это не мешало мужской аудитории приставать ко мне с такими предложениями, от которых завяли бы уши, особенно если учесть, что они поступали от добропорядочных церковных прихожан.

Хотя женщину, вероятно, подобным не удивишь.

Мистерио вполне заслужил свою репутацию, но руки не распускал, после того как я специально запоролла один трюк, поставив Мистерио в идиотское положение перед полным залом.

Калищенко – совсем другое дело.

В труппе его прозвали Русским психом. Частично потому, что он называл себя потомком Распутина, а частично из-за привычки огрызаться и метать нож в любого, кто скажет ему хоть слово поперек.

Я в основном должна была стоять смиренно, пока он втыкал ножи по контуру моего тела, а еще держать во рту воздушный шар, который он протыкал. Ну и все в таком духе.

– Просто стой, улыбайся и время от времени кланяйся, чтобы публика увидела твою задницу. И помалкивай, – буркнул он. – Нечего девицам болтать.

Через пару недель ему пришлось в голову кое-что добавить в номер – будто я разозлилась на него, выдернула нож из деревянной мишени и метнула обратно. По идее, нож должен был пролететь мимо цели. Но вместо этого, когда мы впервые проделали этот трюк на публике, нож прошел так близко к его лицу, что чуть не подрезал бакенбарды.

– Ты сделала это нарочно? – спросил он после представления.

– В такое пекло мне приходится маяться в этих шароварах. Так что да, я сделала это нарочно.

Он широко улыбнулся в бороду, чего обычно никогда не делал не на публику.

– Фантастика! – воскликнул он. – Пусть так и будет. Но только еще лучше, ладно?

И мы идеально отточили номер.

Другие артисты видели, как я работаю с Калищенко, и решили, что, раз я сумела умиротворить Русского психа, стоит обратить на меня внимание. В следующие пять лет я побывала ученицей у всех, кто того пожелал. Я выучилась жонглировать огнем и ходить по горячим углям, научилась одеваться и гримироваться у девушек из кордебалета и клоунов, скакать верхом без седла, стрелять без промаха, командовать крупными кошачьими, а гадалка Мадам Фортуна показала мне, как «читать мысли». О питомцах серпентария я узнала куда больше, чем мне хотелось бы. Я провела так много времени в кунсткамере, что могла с первого взгляда определить в новом экспонате подделку и догадаться, как ее смастерили.

У уродцев я не могла ничему особо научиться. Ты либо наделен от рождения хвостом, либо нет. Но в их обществе я чувствовала себя гораздо уютнее, чем с кем бы то ни было из труппы. Я часто засиживалась допоздна, слушая рассказы Человека-аллигатора и Татуированной женщины о старых добрых временах.

Некоторое время я провела с воздушными акробатами, но к хождению по канату так и не привыкла. Я могла по нему пройти, но только ценой ведра вытекшего пота и года жизни.

Навыки по вскрытию замков я получила во время короткого и неудачного романа с Человеком-змеей. Он провел с нами только одно лето, но успел научить меня взламывать любые замки, выпутываться из смирительной рубашки и показал еще несколько трюков, которые не стоит указывать в резюме.

Я побывала даже ученицей Мистерио, оказавшегося неплохим наставником, как только он понял, что, лапая меня, получит одни неприятности. У меня были такие ловкие пальцы, что он начал использовать меня как подсадную утку среди публики. Перед битком набитым залом я проделывала самые проворные карточные фокусы, какие вы только видели. Или не видели.

В скором времени я стала мастером на все руки и могла ассистировать любому артисту и заполнять перерывы, когда понадобится. Однако бьюсь все так же приходилось набивать.

И тут мой жизненный путь пересекся с Лилиан Пентикост. Как только я приняла ее предложение, на следующий день начался новый этап моего образования.

Во время собеседования она сказала, что оплатит любое обучение, и сдержала слово. За три последующих года я посещала курсы стенографии, бухгалтерского учета, юриспруденции, стрельбы, автомеханики и вождения, а также научилась многому другому. Мисс Пентикост даже подергала за ниточки и состряпала мне свидетельство о рождении, так что я официально стала Уиллоджин Паркер. С этой подделкой мне удалось получить права, лицензию частного детектива и разрешение на ношение оружия.

– Тебе вряд ли придется часто пускать его в ход, – объяснила мисс Пентикост, когда я взяла в руки револьвер. – Но иногда тебе придется ходить в такие места, куда без него лучше не соваться.

В реальности я больше времени провела в лекционных аудиториях, чем в злачных барах. Не проходило и недели, чтобы она не отправляла меня на лекцию того или иного эксперта по беспозвоночным, астрономии или патопсихологии.

– Когда мне в жизни понадобится распознать разницу между плесенью и грибок? – спросила я однажды перед одной из таких поездок.

– Не знаю, – ответила она. – Но лучше знать и не пользоваться знаниями, чем не знать, когда они вдруг понадобятся.

Я не стала спорить. Хотя до сих пор ничто не предполагало, что нам понадобятся знания о жизненном цикле грибов.

В общем, такова была моя жизнь – по крайней мере, между расследованиями.

В разгар расследования было уже не до лекций, кино или даже еды. Одной из моих неписанных обязанностей, которых имелось немало, было стараться, чтобы мисс Пентикост прилично поела хотя бы раз в день. Во многих случаях это означало отвести ее в ближайшую закусочную и не двигаться с места, пока она не запихнет в себя сэндвич с ростбифом.

В еще одну неписаную обязанность входило присматривать за здоровьем мисс Пентикост, чтобы она не слишком напрягалась себе во вред. За первые годы ее состояние не особенно ухудшилось. Бывали хорошие дни и плохие. В хорошие дни невозможно было сказать, что она больна, а трость можно было принять за модный аксессуар. В плохие дни она хромала и спотыкалась, а в голосе появлялись визгливые нотки. Она больше уставала и страдала от боли, хотя и пыталась этого не показывать.

А еще были очень плохие дни. Которые длились неделю и больше. К счастью, это происходило не слишком часто.

Но в целом жизнь была неплоха.

Убийство Абигейл Коллинз свалилось на нас во вторник утром, в середине ноября 1945-го. Почти все лето мы гонялись за поджигателем, орудовавшим в Гарлеме. Мисс Пентикост завершила дела как раз вовремя, и мы смогли вместе со всем городом отпраздновать капитуляцию Японии. Немного помучившись от похмелья и еле-еле избавившись от конфетти, мы немедленно столкнулись с убийством, замаскированным под самоубийство, и полиция не распознала этот трюк, пока мисс Пентикост милостиво на него не указала.

Просто чтоб вы знали – завершаются такие дела коротким звонком в полицию. Мы не собираем всех подозреваемых в одной комнате, чтобы рассказать им все факты и ткнуть пальцем в виновного. Как бы мне ни нравились подобные сцены в детективных романах, наши расследования в основном заканчиваются быстрым шепотом в правое ухо. Никаких театральных разоблачений.

В тот вторник у нас наконец-то выдался перерыв за столь долгое время. Я наскоро позавтракала за кухонным столом яичницей и печеньем – спасибо миссис Кэмпбелл. Она жила в перестроенном каретном сарае, примыкающем к дому с задней стороны, так что, как бы рано я ни вставала, она всегда была уже на кухне – что-то взбивала и помешивала.

Если вы хотите узнать ее биографию, рассказать мне особо нечего.

Она вдова и уже целую вечность служит у мисс Пентикост. По ее словам, она «из приграничных районов», что бы это ни значило, и умеет готовить, наводить чистоту и вести хозяйство, но просто отвратительно водит машину. Она редко рассказывает о себе, а я научилась не спрашивать.

Я просмотрела и рассортировала почту, пролистала свои экземпляры главных утренних газет Нью-Йорка, отметив, какие статьи стоит вырезать и добавить к нашим досье. После чего начала составлять список предстоящих телефонных звонков. В основном ответы журналистам на просьбы о встрече или для фотосессии. Лишь бы избавить от звонков мисс Пентикост. Я как раз заканчивала список, когда телефон все-таки зазвонил.

– Детективное агентство Пентикост. Уилл Паркер слушает.

Властный, но нервный мужской голос осведомился, не могла бы мисс Пентикост сегодня днем встретиться с Ребеккой и Рэндольфом Коллинз. В это время великая сыщица еще спала. Она ведет ночной образ жизни, и ее редко можно застать бодрствующей с первыми лучами солнца. К счастью, она давным-давно предоставила мне право составлять расписание, и я раскудила, что она захочет встретиться с Коллинзами.

Ни дело об убийстве, ни о поджогах не сопровождалось чеком с крупной суммой. Однако я не сомневалась, что семейство Коллинзов согласится на любые расходы. В последние пару недель газеты намекали на странности вокруг дела, которые наверняка пробудят интерес моего босса. Но если вдруг и нет, у меня есть туз в рукаве.

Я ответила, что мисс Пентикост с радостью встретится с братом и сестрой Коллинзами в три часа пополудни. Времени достаточно, чтобы вытащить ее из постели, впихнуть в нее печенье миссис Кэмпбелл и ввести в курс дела, о котором писали все газеты.

Убийство Абигейл Коллинз стало сенсацией даже в городе, привыкшем к кошмарным преступлениям. Семья уже не в первый раз становилась темой для газетных заголовков. Впервые она попала на первую полосу почти двадцать лет назад, когда Алистер Коллинз, владелец и директор «Сталелитейной компании Коллинза», женился на своей секретарше Абигейл Пратт. Та была на тридцать лет моложе его, происходила из рабочего класса и находилась на пятом месяце беременности. В этих кругах редко женятся по залету – по крайней мере, так явно, и пресса от души по ним потопталась.

За следующие два десятилетия имя Ала Коллинза регулярно появлялось на деловых страницах, обычно с упоминанием того, как ловко он управляет компанией. В тридцатых он пару раз попадал на первые полосы газет, когда нанимал костоломов, чтобы подавить забастовку. Все закончилось несколькими разбитыми головами и как минимум одной смертью. По крайней мере, по мнению копов. Вполне обычное дело в те дни, но это сподвигло одного журналиста высказаться поэтично: «Сердце Коллинза такое же твердое и холодное, как стальные болванки с его завода». Пять лет спустя Коллинз снова появился на первых полосах, когда «Сталелитейная компания Коллинза» выиграла правительственный контракт и Алистер объявил, что переоснастит свою фабрику для производства военной продукции, а не офисных принадлежностей. Оружие стало более доходным, чем степлеры.

А потом газеты охладели к клану Коллинзов.

Год назад, в сентябре, в кабинете у себя дома Алистер сунул в рот револьвер и экспресс-поездом отправился на конечную станцию своей жизни. Допрос родных показал, что в последнее время магнат был подавлен, но это тщательно скрывалось.

Некоторые газеты сделали более смелые предположения о том, что Абигейл помогла мужу спустить курок. В ответ представители семьи указали, что Алистер подписал брачный договор, в котором серьезно ограничивал доступ жены к семейным счетам. К тому же бо́льшую часть семейного состояния он передал в трастовый фонд, предназначенный для его детей, так что Абигейл никак не могла желать его смерти. Выступил даже лично окружной прокурор, заявив, что его смерть определенно была самоубийством.

Недавно газеты снова вернулись к обсасыванию этих событий из-за случившегося на Хеллоуин, двумя неделями ранее. В статьях говорилось, что Абигейл Коллинз по своему обыкновению веселилась, устроив вечеринку-маскарад для высшего руководства «Сталелитейной компании Коллинза», где все щеголяли в разных костюмах, наслаждались музыкой джазового квартета и выпили непомерное количество шампанского.

Вот что писала «Таймс» второго ноября:

Наслаждаясь вседозволенностью вечеринки в масках, гости потеряли из вида миссис Коллинз. Около полуночи они обнаружили, что из-под двери личного кабинета покойного Алистера Коллинза идет дым. Дверь оказалась заперта изнутри. Когда ее взломали, огонь из камина уже охватил комнату.

Но что гораздо ужаснее, за столом покойного мужа сидела миссис Коллинз, забитая до смерти.

Полиция сбита с толку и не понимает, каким образом убийца покинул комнату, совершив это кошмарное деяние. По словам одного полицейского, пожелавшего остаться неназванным, «эту дверь можно запереть только изнутри. Окно зарешечено. И нет никаких тайных проходов. Мы проверяли. Настоящая головоломка».

Лейтенант Натан Лейзенби отказался комментировать текущее расследование, но сказал, что у полиции есть несколько многообещающих зацепок и он рассчитывает вскоре поймать виновного.

«Вскоре» растянулось на две недели. По-видимому, дело и впрямь оказалось «настоящей головоломкой».

В газетах не описывались события того вечера. Ни хронологии, никаких анонимных высказываний гостей. Ничего.

Отсутствие подробностей пробудило мое любопытство. Либо кто-то воспользовался своим влиянием, чтобы замолчать события, либо полиция взяла след и старается не спугнуть добычу. Учитывая, что за две недели не появилось и намек на возможный арест, я бы поставила на первый вариант.

Когда часы пробили час дня, я взяла на кухне чашку с крепким кофе, поднялась на второй этаж и постучалась в дверь спальни мисс Пентикост. Ответа не последовало. Но это меня не смутило, и я вошла.

– Доброе утро, – бодро произнесла я, отдергивая тяжелые шторы и впуская в комнату серый ноябрьский свет. – Хотя уже не доброе утро, а добрый день, но пожелания те же самые. В котором часу вы легли?

По центру комнаты стояла большая кровать с балдахином. Из-под толстого пухового одеяла слышалось бормотание:

– В шесть.

Я поставила кофе на ночной столик у кровати и там же оставила газету, стараясь не задеть стеклянный глаз, уставившийся на меня из своего гнездышка, скомканного из белого носового платка.

– А в это время в ноябре уже встает солнце? – поинтересовалась я. – Я-то ранняя пташка, но не настолько. Разве что этого не требуют дела, или если засижусь допоздна. Но все равно мне ни разу не удалось увидеть, как вы уходите спать. Правда, если я не ложусь до такого времени, то лишь из-за чего-то экстраординарного, тут уж не до того, чтобы смотреть на часы.

Она снова натянула одеяло и угрожающе уставилась на меня, хотя угрожающий вид ей придавала пустая глазница. Однако эффект скрадывался волосами, которые после сна выбились из косичек и завивались мелким бесом.

– Ты нарочно меня мучаешь? – прошипела она.

Я натянула улыбку и покачала головой.

– Просто принесла кофе и сообщение о потенциальных клиентах, которые придут в три. Думаю, перед тем вы захотите принять душ и привести в порядок волосы.

– У нас нет на сегодня визитов.

– Не было, – сказала я. – А теперь есть.

И я вышла.

Такое поведение может показаться странным любому, чья должность называется «помощник», за это можно и места лишиться. Но порой лучший способ помочь мисс Пентикост – это разбудить ее, накормить и поставить в вертикальное положение, чтобы она занималась работой, которой посвятила жизнь.

А кроме того, если бы я сказала, что наши потенциальные клиенты – брат и сестра Коллинзы, она могла бы мгновенно отказаться от встречи или попросить ее перенести, а потом снова зарылась бы под одеяло.

Мы с мисс Пентикост имели некоторое предубеждение насчет высших слоев общества. Я обвиняла их во всех бедах, как любой выходец из семьи рабочих из маленького провинциального городка. Ее мнение основывалось на том, что богатым куда реже требовались ее услуги. Однако в мои задачи входило сводить ее с редкими клиентами, способными выписать чек на пятизначную сумму, даже не вспотев от натуги.

В конце концов у нас имелись расходы, включая мое жалованье. Через час она вошла в кабинет – приняв душ и позавтракав, в темно-синем твидовом костюме и скрученными в привычный узел косами на голове. Трость она оставила наверху, а значит, либо сегодня «хороший день», либо просто упрямится. Она села за стол, и я ввела ее в курс дела, включая освещаемые газетами скандалы в семействе Коллинзов и все их неприятности.

Когда я закончила, мисс Пентикост медлила целых две секунды, а потом спросила:

– Есть ли причины заняться этим делом, помимо банковского счета клиента?

– Их банковским счетом не стоит пренебрегать, – ответила я. – По крайней мере, судя по стоимости их акций из последнего выпуска «Уолл-стрит джорнал». Но если вас не интересуют презренные деньги, присутствует также настоящая загадка запертой комнаты. Загадка запертой комнаты! Как часто вы с таким сталкиваетесь?

– Я не так увлечена бульварными романами, как ты.

– А как насчет жестокого убийства женщины, которое не сумела раскусить полиция? Вы просто обязаны призвать преступника к ответу!

– Вокруг столько убийств, требующих моего внимания, – возразила она. – Причем в более приятных семьях, которым не по средствам нанять частного детектива.

Я развела руками, признавая поражение.

– Сдаюсь. Видимо, мне придется позвонить им и отменить встречу.

Я потянулась к телефонной трубке, но застыла, словно внезапно что-то вспомнив.

– Ах да, еще вот это.

Я вытащила из кармана жилета газетную вырезку и небрежно бросила ее на стол. Мисс Пентикост осторожно взяла листок и изучила его.

Статья была написана на третий день после убийства. Я обвела имя на первой странице. Добравшись до него, мисс Пентикост встрепенулась. Ну, или, по крайней мере, приподняла одну бровь, а это означает высшую степень волнения.

– Почему я раньше этого не видела?

– Вы по самые косы зарылись в дело Пальметто и не следили за газетами. А кроме того, это статья из «Инквайер». Обычно мы не читаем желтую прессу. Удивительно, как я вообще ее заметила.

– А мы уверены, что это правда? Они могли все выдумать. Ты сказала, что в других газетах не было списка гостей.

– Возможно, – признала я. – У меня никого нет в «Инквайер». Но за пару дней и двадцатку наверняка сумею кого-нибудь найти. Хотя нет. Это будет новый человек, так что придется потратить сотню. Тогда можно будет только скрестить пальцы и верить, что это правда, ведь «Инквайер» есть «Инквайер», в конце концов. Они и на родную мать состряпают поклеп на первой полосе, лишь бы продать тираж. Или...

– Или можем спросить Коллинзов, кто был на вечеринке, – отозвалась мисс Пентикост с щепоткой сарказма.

– Да, можно и так поступить, – сказала я.

Она похлопала пальцем по не совсем крючковатому носу и уставилась в пространство. А через несколько секунд размышлений сказала:

- Поднимись в архив и найди все вырезки по семье Коллинз, включая самоубийство отца.
- Думаете, здесь есть связь?

– Я пока что ничего не думаю. Даже не знаю, возьмусь ли за дело. Но лучше иметь информацию заранее, чем оказаться без нее, когда она понадобится.

Я спросила, нужно ли досье на ту персону, чье имя я обвела, но она сказала, что нет. Об этом человеке она и так все прекрасно знает.

Я поспешила наверх по двум лестничным пролетам, в комнату с высоким потолком, занимавшую весь третий этаж. Все пространство было уставлено рядами высоких стеллажей и местами напоминало Центральную библиотеку. Посреди всего этого выделялся островок египетского ковра. Почетное место на нем занимали удобное кресло и высокий торшер от Тиффани. А море полок вокруг островка было наполнено коробками с документами, сотнями коробок.

Каждая коробка плотно закрыта, чтобы защитить содержимое от струящегося из ламп света. В коробках годами методично собирались газетные вырезки, касающиеся преступлений, знаменательных событий и известных личностей, а также заметки по расследованиям, разные любопытные вещицы, улики и другие странные предметы, которые подбирала мисс Пентикост на протяжении своей карьеры.

Я нашла нужную коробку, и, конечно же, там оказались вырезки о самоубийстве Алистера Коллинза. Я собирала статьи о нераскрытых убийствах или просто странных смертях и сохраняла их на случай, если вдруг понадобятся. Я пыталась убедить мисс Пентикост, что это напрасная трата времени, поскольку у каждой газеты имеется собственный «морг», куда я с легкостью могу попасть. Но она предпочитала иметь все под рукой.

Я принесла коробки вниз, и она прочла содержимое, пока я вырезала новые статьи из утренних газет. В этот день в меню значились: смерть от передозировки Чарли Сильверхорна, небезызвестного джазового музыканта, и новые грабежи в Центральном парке.

Ровно в три раздался звонок в дверь. Я открыла ипустила Ребекку и Рэндольфа Коллинз, которых узнала по фотографиям из газет, и Харрисона Уоллеса, представившегося исполнительным директором «Сталелитейной компании Коллинза» и душеприказчиком Коллинзов. Он и был тем нервным мужчиной, с которым я говорила по телефону.

Приняв у всех троих шляпы и пальто, я проводила их к креслам перед столом мисс Пентикост. Затем села за свой стол, откуда удобно будет рассматривать посетителей.

Уоллес напоминал хрестоматийного адвоката. Среднего возраста, чуть ближе к пенсионному, он был высоким и сутулым, с высоким лбом и полукруглыми очками. Его лицо можно было бы назвать привлекательным, если подправить тут и там. В некоторых местах кожа обвисла, а в других была слишком туго натянута. Серый костюм с двумя пуговицами был достаточно модным, но сидел так же плохо, как кожа на лице. Свой кожаный портфель Уоллес поставил у кресла и покосился на меня, словно боялся, что я могу выхватить его и удрать. Усевшись между братом и сестрой, Уоллес выглядел голубем, неровно дышащим сразу к двум голубкам.

Я описала Уоллеса первым, чтобы побыстрее с этим разделаться, потому как близнецы Коллинзы были самыми красивыми людьми, которых я когда-либо видела, а в цирке я привыкла к симпатичным мордашкам.

Из газет я знала, что им вот-вот стукнет двадцать один год. Трудно сказать, кто был красивее. Рэндольф с резко очерченными скулами, изящным изгибом губ, похожим на лук купидона, и фигурой пловца? Или Ребекка с улыбкой как у Джин Тирни и точеной фигуркой, как у Риты Хейворт³, только совсем миниатюрной?

³ Американские актрисы, пик популярности которых пришелся на 40-е. (Прим. ред.)

У обоих были голубые глаза и белокурые волосы, у него – зачесанные назад, у нее просто запроваженные за уши. Рэндольф был в светло-сером костюме, сшитом с легкой небрежностью, которая наверняка обошлась в тройную цену. Ребекка – в темно-синем платье в белый горошек, с короткими рукавами. Обычно я не обращаю внимания на такие детали, но тут было на что посмотреть.

Я подняла голову и обнаружила, что она за мной наблюдает. Было в ее взгляде нечто такое, отчего я залилась краской и пожалела, что не потратила на прическу больше двух минут.

Первым закурлыкал голубь.

– Благодарю, что так скоро согласились нас принять, миссис Пентикост, – сказал Уоллес. Мой босс подняла руку.

– Мисс Пентикост. Я не замужем, хотя и давно выросла из возраста «мисс».

Уоллес был слегка озадачен, хотя и не слишком.

– Конечно, мисс Пентикост. Полагаю, для вас не тайна, почему мы решили с вами проконсультироваться.

– Не люблю гадать, – объявила мисс Пентикост. – Но если уж на то пошло, вероятно, это касается недавней смерти Абигейл Коллинз, поскольку полиция оказалась не в состоянии найти виновника.

Уоллес фыркнул:

– Весьма благородный способ назвать полицейских идиотами. Хотя так и есть.

– А мне нью-йоркские детективы из отдела убийств кажутся вполне сообразительными.

– Они соображают только, как гоняться за собственным хвостом, – огрызнулся он. – Нас заверили, что дело быстро раскроют. А две недели спустя нет ни виновника, ни улики, ни подозреваемых, только попусту теребят друзей и знакомых семьи.

– Все не так уж плохо, дядя Харри, – встрял Рэндольф, чья улыбка из лучезарной стала успокаивающей. – Они просто делают свою работу.

Кстати, «дядя» было явно номинальным титулом. В газетах Уоллеса называли компаньоном Коллинза и давним другом семьи. Никакого кровного родства.

– И плохо делают, – поправил его Уоллес. – Чем дольше это тянется, тем хуже для компании.

– Вы не могли бы остановиться на этом поподробнее, мистер Уоллес? – попросила мисс Пентикост.

– Пока не раскрыто убийство миссис Коллинз, неясно, кто получит контроль над основной частью акций. Если вы читали деловую секцию «Таймс», то, вероятно, в курсе. А после окончания войны военные контракты компании подлежат пересмотру. Если мы их потеряем, придется вернуться к довоенному производству офисных принадлежностей. На кону миллионы долларов, и все повисло в воздухе, потому что полиция не может выполнить свою работу.

– Я просто хочу, чтобы нам наконец-то позволили ее похоронить, – вставила Ребекка, чей голос оказался на октаву ниже, чем я ожидала. Такой скорее услышишь от джазовой исполнительницы, а не от светской львицы. – Ее тело по-прежнему у них.

Уоллес похлопал ее по колену.

– Конечно, милая. Мне не следовало начинать с деловых вопросов. Я сказал это не подумав. Видите, мисс Пентикост, полиция играет не только с финансами компании, стоящей миллионы долларов, но и с чувствами моих крестников. Они заслуживают, чтобы все закончилось.

– Почему вы решили, что я добьюсь успеха там, где не сумела полиция? – поинтересовалась мисс Пентикост. – И почему обратились именно ко мне? Есть и более крупные агентства.

– Вас рекомендовали несколько членов совета директоров. Вообще-то их жены, – объяснил Уоллес.

И неудивительно. Специализация мисс Пентикост – преступления против женщин. Хотя меня и удивило, что Уоллес произнес это не снисходительным тоном, который ожидаешь услышать от большинства мужчин его возраста.

– Вас хвалили за проницательность, но что гораздо важнее, за умение хранить тайны, – продолжил он. – А крупные агентства... В прошлом мы обращались к некоторым по другому поводу. Когда подозревали промышленный шпионаж и все такое прочее. Но это такие огромные организации, и нанимают столько людей со стороны... Слишком велика вероятность, что какие-нибудь подробности просочатся.

– И это вас беспокоит?

Все трое переглянулись, но я не сумела распознать выражения лиц.

– Некоторые подробности смерти Абигейл... вызывают смущение, – признался Уоллес. – Если вы возьметесь за это дело, то узнаете о них.

– Боюсь, вам придется рассказать о них сразу, – сказала мисс Пентикост, обводя гостей взглядом. – Я не берусь за дела с завязанными глазами.

– К сожалению, это неприемлемо, – захорохорился Уоллес. – Мы должны получить гарантию, что об этом никогда не узнает широкая публика.

Я решила закинуть пробный шар.

– Вы получили заверения в репутации мисс Пентикост, – сказала я. – Если вы ей не доверяете, то лучше обратитесь в крупное агентство. Там берутся за дела, не задавая вопросов.

Уоллес покосился на меня, будто пытаюсь вычислить, что я за птица – орел, курица или еще кто.

– Это смешно, – буркнул Рэндольф. – Девушка права. Нужно обратиться в «Стерлинг и Свон». Отец полностью им доверял. Помните тот... случай... с профсоюзом?

Уоллес покачал головой.

– Нет. Слишком много народа, слишком много переменных.

Мисс Пентикост явно начала терять терпение.

– Мистер Уоллес, – сказала она со стальными нотками в голосе. – Я много раз занималась деликатными делами, хотя моя репутация построена не на них, поскольку о них не слышал никто, кроме меня и клиентов. Что бы вы мне ни сказали, уверяю вас, это останется между нами, если только не содержит улики преступления или намерения совершить оное.

– Да скажи ты ей уже, – потребовала Ребекка, позаимствовав от моего босса немного металла в голосе.

Но Уоллес все же колебался.

– Это в любом случае всплывет, сам знаешь. – Ребекка повернулась к мисс Пентикост и наклонилась к большому столу. – Люди думают, что уже знают убийцу.

– Вы знаете, кто убил вашу мать?

– Я этого не сказала. Я просто сказала, что люди считают, будто знают.

– Бекка, прошу тебя, не глупи, – напустился на нее Рэндольф.

– Да все об этом шепчутся. Они думают, что это наш отец.

– Я считала, что ваш отец год назад покончил с собой, – сказала мисс Пентикост. – Ваша мать снова вышла замуж?

Ребекка покачала головой.

– О нет. Я о другом. Люди считают, будто ее убил призрак отца.

Глава 4

Если бы Уоллес и Рэндольф были женщинами, я бы употребила слово «всполошились». Хотя слово все равно годится. Они всполошились.

– Прекрати это повторять, – вскинулся Рэндольф.

– Нет никаких оснований предполагать, что это не что иное, как дело рук какого-то... безумца, – с легкой дрожью в голосе сказал Уоллес, и дряблая кожа на его лице затряслась. – Любой, кто утверждает обратное, просто жестокий идиот. Я не желаю слушать сплетни и суеверия. Уж точно не от ближнего круга.

– Я этого не утверждала, – возразила Ребекка. – Только повторила, что говорят другие.

– Прошу вас! – мисс Пентикост примирительно подняла руку. – Может быть, начнете сначала? Но сперва не хотите ли чего-нибудь выпить? Немного бренди, мисс Коллинз?

– Джин, если у вас есть.

Джин у нас был, и я налила ей щедрую порцию, слегка разбавив водой. Уоллес попросил скотч с молоком, я бы такое не переварила, но каждому свое. Когда я спросила Рэндольфа, что налить ему, он бросил взгляд на сестру.

– Нет, спасибо. Я предпочитаю оставаться в трезвом уме.

Он тут же мне разонравился. Не из-за трезвости, ведь сама я не пью, а из-за того, что осуждает других.

– Как пожелаете, – сказала я, наливая мисс Пентикост привычный бокал медовухи.

Миссис Кэмпбелл покупала импортную, из Шотландии, за совершенно неприличную цену. Взяв напитки и снова рассевшись, они начали рассказ, периодически отвечая на вопросы мисс Пентикост. Они явно не раз повторяли эту историю, вероятно перед вереницей сменяющихся людей с жетонами.

История началась в вечер Хеллоуина. Праздник выпал на среду, так что горожане в основном отметили его в предыдущие выходные. В субботу и воскресенье на улицу высыпал народ в маскарадных костюмах, перемещаясь с вечеринки в какой-нибудь бар и обратно. Но к середине недели почти все затихло, по крайней мере для тех, кто не обременен детьми.

– Мама хотела устроить вечеринку на Хеллоуин. Хотя это и был рабочий день. Она сказала, мол, в этот день самая тонкая завеса, – объяснил Рэндольф.

– Завеса? – удивилась мисс Пентикост.

– Между миром живых и мертвых.

Голос Рэндольфа сочился сарказмом. Уоллес смущенно потупился.

Лишь Ребекка сохранила невозмутимость.

– Каждый год она устраивала что-нибудь особенное, – сказала она. – В этом году...

– Мы до этого еще дойдем, Бекка! – одернул ее Рэндольф.

Может, они и похожи, но гармоничными их отношения не назовешь.

Дальше рассказ подхватил Уоллес:

– Ал завел эту традицию вскоре после свадьбы. Частично, чтобы Абигейл могла увлечься и чем-то себя занять. Но главным образом, чтобы устроить прием для руководства компании. В этом году было около сотни гостей – меньше, чем прежде. Из-за того, что в прошлом году Ал... скончался, – сказал Уоллес. – Почти все присутствующие были работниками компании и их жены.

Вечеринка началась около девяти. В бальном зале играл струнный квартет, официанты бесконечным потоком разносили закуски, работало три бара, два внутри и один на веранде, чтобы никто не стоял в очереди за выпивкой.

Как и в прошлые годы, все прибыли в костюмах. И никаких взятых напрокат костюмов гориллы. Платья и шляпы, черные галстуки и изысканные маски, в основном закрывающие только верхнюю часть лица, чтобы не мешали есть, пить, болтать, курить и так далее.

Я с удивлением узнала, что Уоллес нарядился Дядей Сэмом в красно-сине-белом смокинге, цилиндре и с накладной бородой.

– Меня уговорила жена, – признался он, краснея. – Чтобы отпраздновать победу в войне. Она сказала, людей это впечатлит.

– Так и есть, дядя Харри, – подтвердила Ребекка, наградив его сдержанной улыбкой.

Уоллес улыбнулся в ответ, но слегка кривовато.

– Вскоре после полуночи Абигейл собрала всех в кабинете на втором этаже. Раньше там был кабинет Ала, – объяснил он. – Когда мы вошли, то обнаружили, что все задрапировано черным бархатом. И полки, и почти вся мебель. Стол Ала был покрыт безвкусным шелком, посередине лежал нелепый хрустальный шар. А прямо в кресле Ала сидела та женщина. Просто смехотворно.

– Это было ужасно, – добавила Ребекка. – Отвратительно.

– Что за женщина? – осведомилась мисс Пентикост.

– Ну, это был спиритический сеанс, – продолжил Уоллес. – Абигейл пригласила свою «духовную наставницу» – это ее слова, не мои. Та женщина собиралась предсказывать судьбу, гадать на картах таро и говорить с мертвыми.

Мисс Пентикост слегка подалась вперед.

– И как звали гадалку?

– Белестрад. – Уоллес прожевал фамилию и буквально выплюнул ее. – Ариэль Белестрад.

Вот оно. Имя из газетной вырезки, которое я обвела красным. Крючок, которым притянуло мисс Пентикост к этому делу.

Белестрад входила в список людей, чьи имена я высматривала в прессе. Она гадала многим представителям элиты и периодически появлялась в газетах, хотя обычно на страницах светской хроники, и то мимоходом.

В нашем архиве на третьем этаже хранились две коробки, целиком посвященные ей. Почему мисс Пентикост так интересовали передвижения женщины, которая фактически ничем не отличалась от Мадам Фортуны, только работала на другом поле? Понятия не имею. Я научилась не задавать вопросов, когда дело касается причуд мисс Пентикост. Она расскажет, когда сочтет нужным.

Я уже упоминала, насколько это меня раздражает?

Я заметила признаки оживления на лице мисс Пентикост – едва заметно поднятые брови и блеск в глазах цвета зимнего неба, плюс напряженные пальцы.

– Белестрад, вероятно, не настоящее имя, – пробормотал Уоллес. – С такими типами ни в чем нельзя быть уверенным.

– С такими типами? – поддела его мисс Пентикост.

– Шарлатанами. Мошенниками, – ощерился Уоллес.

– Бекка считает, что она не обманывает, – с презрением высказался Рэндольф.

– Я никогда такого не говорила, – возразила его сестра. – Никогда. Я лишь сказала... Что у нее хорошо получается.

Мисс Пентикост снова подняла руку, призывая успокоиться.

– Чем именно мисс Белестрад занималась на вечеринке?

Все трое угомонились и принялись описывать события, которые выглядели более уместными для цирка на сельской ярмарке. Она предсказывала судьбу женам, и в одном случае вытащила на свет божий новость о пока еще не объявленной беременности. Потом пришел черед гадания на картах таро. К тому времени подключились и некоторые мужчины. Белестрад объявила, что один немолодой джентльмен планирует уйти на пенсию, чем удивила его боссов.

Кульминация наступила, когда выключили электрическое освещение. Комнату освещал только огонь в камине. Ночь была холодной, а отопление в кабинет не провели. Гадалка попросила кого-нибудь вызваться добровольцем. Никто не вышел, и тогда Белестрад позвала Ребекку.

– Давай, девочка. Я чувствую, что кое-кто хочет с тобой поговорить, – объявила она.

– Она велела мне сесть напротив нее, – сказала нам Ребекка. – Затем попросила взять ее за руки, я подчинилась, и тогда она положила мои ладони на хрустальный шар.

Свет погас, осталась только пара свечей на столе. Медиум закрыла глаза и велела мне сделать то же самое. После долгой минуты неловкого молчания голова Белестрад откинулась назад, и гадалка заговорила низким и зычным голосом: «Я чувствую дух... Рядом тот, кто умер прямо в этой комнате. И он еще здесь».

А потом ее голос снова изменился. Стал еще более низким и грубым.

– Все ошалели, – сказал Рэндольф.

– Почему? – спросила мисс Пентикост.

– Потому что это был отцовский голос, – ответила Ребекка, и ее голос дрогнул. – Совершенно точно его голос.

– И что он сказал?

Ребекка закрыла глаза, припоминая.

– «Кто здесь? Кто это? Здесь темно. Я ничего не вижу. Я чую запах лаванды, „Белой орхидеи“. Это ты, Бекка? Духи из того пузырька, который ты украла?»

Ребекка поежилась.

– Это существенная деталь? – спросила мисс Пентикост.

– Да. Когда я была маленькой, одна подруга подговорила меня украсть пузырек «Белой орхидеи» с прилавка в универмаге. Мне было ужасно стыдно, и позже я призналась отцу. Он обещал никому не говорить и заставил заплатить магазину. Я... Я до сих пор пользуюсь этими духами.

Мисс Пентикост выждала немного, а потом спросила:

– И что было дальше?

– Кажется... Кажется, я что-то сказала. Я не... не помню что.

– Ты сказала: «Папа? Это ты?» – подсказал Рэндольф, уставившись в пол и явно стыдясь сестры.

А глаза Уоллеса налились злостью.

Ребекка продолжила:

– А потом он... она... сказала что-то вроде «Мне так одиноко. Хочу уйти отсюда. Хочу покоя. Прошу тебя, позволь мне покоем с миром». И тут мама спросила из-за моей спины: «О чем ты, Алли? Как мы можем помочь тебе упокоиться с миром?», а он... ясновидящая и говорит: «Не выдавай меня. Не выдавай меня, любовь моя».

Ребекка затрясла головой, словно пытаясь избавиться от засевших в ней воспоминаний.

– Больше я не могла этого выносить, – сказала она. – Вырвала из ее рук свои ладони, убежала к себе в комнату и заперла дверь.

– И что было дальше? – спросила мисс Пентикост.

– Когда Бекка убежала, эти... чары... исчезли. Или та женщина перестала притворяться, – объяснил Рэндольф. – А потом мама велела всем выйти. Сказала, что хочет остаться наедине с...

– Со своим мужем. С Алом, – закончил за него Уоллес. – Она попросила всех вернуться на вечеринку, включая Белестрад.

Понятно, что после такого веселье увяло. Гости начали расходиться. Рэндольф с несколькими приятелями вышел покурить на веранду, а Уоллес стал обходить гостей, пока все не разбежались.

– Хотел поговорить с некоторыми самыми влиятельными членами совета директоров, – объяснил Уоллес. – Чтобы не болтали языками, тем более в такое время, когда будущее компании и так висит на волоске.

Уоллес, видимо, запугал их до чертиков, потому что до сих пор никто не проболтался о спиритическом сеансе газетам, а ведь заголовок «Светская львица убита во время разговора с покойником» поднял бы тиражи до небес.

– Вы знаете, что могло означать «Не выдавай меня»? – спросила мисс Пентикост.

Уоллес покачал головой.

– Понятия не имею.

Мисс Пентикост допила медовуху, и я подошла, чтобы налить ей еще бокал.

– А вы, мисс Коллинз? Вы вернулись к гостям?

– Нет. Осталась у себя.

– На все время?

– Да. А потом услышала... Услышала вопль. Когда я вышла, дверь кабинета уже взломали.

– В газетах писали, что там был пожар. Кто-то почуял запах дыма? – спросила мисс Пентикост.

– Я, – ответил Уоллес. – Сначала решил, что кто-то оставил открытой дверь на веранду, но пахло не сигаретным дымом. Потом я поднялся и увидел дым из-под двери кабинета.

– И как вы поступили?

– Попробовал открыть дверь, но она была заперта. Я закричал.

– Так громко, что мы слышали даже снаружи, – уточнил Рэндольф.

– Кто это «мы»? – спросила мисс Пентикост.

– Я и Джон Мередит, он начальник цеха на заводе в Джерси. Мы побежали в дом и вверх по лестнице. Я увидел, как дядя Харри пытается выбить дверь. Мередит подналег, и у него получилось. Чуть не снес дверь с петель. Повалил дым, но Джон все равно вбежал внутрь. Такой уж он человек.

– Порывистый?

– Человек действия, – ответил Рэндольф. – Какой-то там пожар его не испугает.

Ни Уоллес, ни Ребекка явно не разделяли его восхищения героем, но промолчали.

– Как только дым немного рассеялся, вошли и остальные. Пламя из камина перекинулось на черный бархат. Я сорвал ткань и затоптал огонь. Я не... Я не сразу ее заметил. Пока не увидел Бекку и не проследил за ее взглядом.

– Я слышала крики, – объяснила Ребекка. – А когда открыла дверь своей комнаты, весь коридор был в дыму. Я побежала в кабинет. Люди суегились из-за пожара, а она просто сидела там. Растянувшись на столе.

Я взяла бутылку джина с тележки с напитками и пополнила бокал Ребекки. Она даже не заметила.

– Сначала я решил, что Абигейл потеряла сознание, – сказал Уоллес. – Из-за дыма, понимаете? Я схватил ее за плечи и...

Его пришлось подтолкнуть к продолжению рассказа.

– И поняли, что она не просто без сознания, – сказала мисс Пентикост.

– Ее голова была... Повсюду была кровь. А ее глаза...

Он не закончил фразу, и никто не стал ее продолжать. Да в этом и не было необходимости. Мы с мисс Пентикост видели много трупов, включая те, которых забили до смерти. Вполне достаточно было включить воображение.

– Это сделали хрустальным шаром, – надтреснутым голосом сказал Рэндольф. – Мы нашли его в камине. Разбитый и окровавленный.

Уоллес сделал большой глоток скотча с молоком и поморщился – то ли от вкуса, то ли от воспоминаний.

– Мы позвонили в полицию, – сказал он. – Они прибыли через несколько минут, а все остальное вы почти наверняка уже читали в газетах.

Мисс Пентикост покачала головой.

– Вы переоцениваете достоверность газетных статей или недооцениваете свои возможности поведать нам более красочные детали.

– Разве меня можно в этом винить? Достаточно и того, что все это, включая жизнь моих крестников, превратилось в потеху для публики.

Мисс Пентикост снова покачала головой.

– Я вас не обвиняла, только хотела подчеркнуть, что многого не знаю, а мне точно нужно это знать, если я возьмусь за дело. Например, мне нужен полный список гостей, слуг и нанятого персонала, а также подробная хронология, когда прибыл и уехал каждый гость, особенное внимание следует уделить тем, кто присутствовал в тот момент, когда обнаружили тело миссис Коллинз. Еще мне понадобится подробное описание жизни миссис Коллинз, ее повседневные привычки и ее прошлое.

– Разумеется, – сказал Уоллес. – Я даже не подумал о нанятом персонале. Официанты, музыканты и так далее. Возможно, это кто-то из них. Вор или псих.

Мисс Пентикост повела плечами.

– Возможно. Хотя полиция наверняка тщательно проверила биографии персонала. Обычно копы первым делом обращают внимание именно на него. После семьи, конечно же.

От этих слов гости слегка поежились, но возражать не стали. Видимо, за две недели они уже поняли, что стали возможными подозреваемыми у полиции.

– Абигейл вела календарь, куда вносила свои основные перемещения. С кем обедала. Кого принимала. И все такое прочее, – ответил Уоллес. – Что до ее прошлого, то могу рассказать о ее жизни после того, как она пришла работать в компанию, потому что она была моей секретаршей.

– Вашей секретаршей? – Брови мисс Пентикост поползли вверх. – Я думала, она была секретаршей мистера Коллинза.

– Официально она помогала нам обоим. Но мне требовалось больше помощи с бумагами, так что она работала в моей приемной. К сожалению, она никогда не рассказывала о своей юности и личной жизни до поступления на работу в компанию, и я вам тут не помощник.

Мисс Пентикост посмотрела на Ребекку и Рэндольфа, которые синхронно помотали головами.

– Она никогда не рассказывала о своем детстве, – сказала Ребекка. – По крайней мере, мне.

– И мне тоже, – добавил Рэндольф. – Только что она была сиротой и выросла в бедности где-то в глубинке штата Нью-Йорк.

Мисс Пентикост нахмурилась. Она не любила пробелов в биографии жертвы. Опыт подсказывал, что именно в таких пробелах и скрываются убийцы.

Она повернулась ко мне.

– Прежде чем мы обсудим гонорар... Уилл, у тебя есть еще вопросы?

– Возможно, вы хотели задать этот вопрос позже, но Белестрад еще находилась в доме, когда... когда обнаружили Абигейл? – спросила я.

– Кажется, она ушла сразу после окончания спиритического сеанса, – ответил Уоллес. – Но точно не уверен.

– Она привела кого-нибудь с собой? Помощника или партнера?

Я вспомнила о временах, когда работала с Мадам Фортуной. Всегда полезно иметь подсадную утку среди публики.

Уоллес покачал головой.

– Вроде бы нет. Как я помню, у нее был шофер. Но он не заходил в дом.

Ребекка положила ладонь на его руку.

– Дядя Харри, ты забыл о преподавательнице из университета.

– Ах да, конечно. Она была такой тихоней, что я и забыл о ее присутствии. Она пришла вместе с Белестрад.

– Я немного с ней поболтал, – добавил Рэндольф. – Она не произвела на меня впечатления.

– Что за преподавательница? – спросила я.

– Доктор Уотерхаус. Не врач. Из университета, – сказал Уоллес. – Не могу вспомнить ее имени.

– Оливия? – спросила мисс Пентикост. – Доктор Оливия Уотерхаус?

– Вы ее знаете?

– Я знакома с ее работами. Вы уверены, что она сопровождала мисс Белестрад?

– Уверен, что она не пришла с кем-то другим, – сказал Уоллес. – Она не знала, что будет маскарад. Ей пришлось позаимствовать маску у персонала.

– Она говорила что-то насчет того, что ей нравятся подобные представления и хотелось бы посмотреть вблизи, – вставил Рэндольф. – Честно говоря, я не особо прислушивался. Просто пытался быть вежливым.

– Ее придется допросить, – заметила мисс Пентикост. – Как и многих других. Но сначала мне бы хотелось посетить дом и увидеть комнату собственными глазами.

– Так вы возьметесь за расследование? – спросил Уоллес.

Она кивнула. Уоллес явно испытал облегчение. Выражения лиц Ребекки и Рэндольфа не изменились.

– И вы сохраните все в тайне? Не хотелось бы, чтобы еще какие-нибудь малоприятные подробности стали достоянием широкой публики.

– Я буду молчать, пока это не противоречит закону, мистер Уоллес. Однако малоприятные подробности, как вы их называете, все равно наверняка всплывут и станут известны прессе. Так всегда бывает.

Уоллес понурил плечи.

– Будем надеяться, что, когда это случится, компания уже обретет более твердую почву под ногами. А теперь что касается вашего гонорара.

Мисс Пентикост назвала сумму, от которой все трое нервно моргнули.

– Вы со всех столько дерете? – гневно спросил Рэндольф.

– Конечно нет, мистер Коллинз. И вы не обязаны платить. Я беру, сколько считаю разумным за конкретное дело и для конкретного клиента. Кстати, о клиенте. На кого я работаю? На семью Коллинз или «Сталелитейную компанию Коллинза»?

– Ни то ни другое, – заявил Уоллес. – Название компании не должно фигурировать.

Он потянулся к стоящему у ног портфелю, вытащил три пачки купюр в банковской ленте и осторожно положил их на стол мисс Пентикост.

– Это мои личные деньги, мисс Пентикост. Если вам необходимо имя, воспользуйтесь моим. Я выступаю как крестный отец близнецов и друг семьи, но не как исполнительный директор «Сталелитейной компании Коллинза».

Лишь проступивший на его лбу холодный пот выдавал, что сейчас Уоллес, вероятно, выложил на стол свое годовое жалованье.

– Это существенная сумма для частного лица, мистер Уоллес.

– Я почти всю свою сознательную жизнь был другом семьи Коллинз, – ответил он, выпрямившись. – Ал был моим лучшим другом. Абигейл – мать моих крестников.

Мисс Пентикост удовлетворенно кивнула и встала, лишь слегка покачнувшись.

– Уилл, собери, пожалуйста, всю необходимую информацию и назначь визит в резиденцию Коллинзов, лучше всего на завтрашнее утро, если это удобно.

Отдав распоряжения, она пожала руки клиентам, пожелала им хорошего дня и вышла из кабинета.

Как и было велено, я собрала все телефонные номера и расписания и договорилась о визите к Коллинзам в десять на следующее утро. Потом подала им пальто и шляпы и распрощалась. Ребекка слегка задержалась в дверях.

– Странный она человек.

– Наверное, – согласилась я. – Я не считаю себя человеком, способным разглядеть странности других.

Она вежливо улыбнулась.

– Она так хороша, как о ней говорят? – спросила Ребекка.

– Еще лучше, – ответила я с серьезным лицом. – Но ведь вы вроде бы считаете, что это сделал призрак.

– Я сказала, что так считают люди.

Я решила выстрелить вслепую.

– А если бы вам пришлось кого-нибудь обвинить, на кого бы вы подумали?

Она уже открыла рот для ответа, но потом покосилась на тротуар, где ждали брат и крестный. Закрала рот, покачала головой и ушла, так и не попрощавшись.

Глава 5

Проводив Коллинзов, я убрала деньги в сейф, сделанный на заказ и спрятанный под половицами под моим столом. Потом поднялась на третий этаж и обнаружила босса сидящей по-турецки в центре египетского ковра, прислонившись спиной к креслу. Рядом с ней на полу стояли две коробки, а вокруг были разбросаны вырезки. В каждой было подчеркнуто имя Ариэль Белестрад.

– Популярная дама, – прокомментировала я. – Вы, конечно же, не желаете рассказать мне, почему так заинтересовались прославленной гадалкой?

– Я интересуюсь многими людьми. Ты заметила что-нибудь особенное в наших клиентах и их рассказе?

Когда нужно было сменить тему, мисс Пентикост любила делать резкий поворот влево. Но если она не желала о чем-то говорить, то я никакими усилиями не сумела бы ее заставить.

– Я многое взяла на заметку, – ответила я. – Вам в хронологическом порядке или в порядке важности?

Она нетерпеливо дернула пальцем.

– Близнецы друг друга не любят, – начала я. – Хотелось бы мне знать причину. Обычное соперничество между братом и сестрой или это с недавних пор? Ребекка определенно что-то скрывает. Не знаю, от нас или от тех двоих.

– Согласна, – сказала она, копаясь в вырезках.

– Теперь об Уоллесе. Он неплохо играет роль возмущенного крестного. «Ах, эта шарлатанка! Конечно, среди нанятого персонала был какой-то псих!»

Я театрально прижала руку к груди.

Мисс Пентикост бросила на меня взгляд, которому позавидовала бы любая натерпевшаяся насмешек тетушка-приживалка.

– Но он весьма скрытный, – продолжила я. – Уж не знаю, как он обработал гостей, чтобы они молчали. А может, подкупил и репортеров. Или даже издателей. А для этого понадобилась бы как минимум четырехзначная сумма, и плюс к ней немалый опыт в таких делах и деликатность. Поэтому, как я подозреваю, ему это не впервой.

Интересно, достаточно ли Уоллес скользкий тип, чтобы совершить убийство, а потом попытаться взбаламутить воду, наняв мисс Пентикост? К нам не единожды обращались люди, на которых под конец надевали наручники.

– А кроме того, вы заметили его горе по поводу кончины миссис Коллинз?

– Я заметила, что он не особо горюет.

– То-то и оно, – сказала я. – И что, по-вашему, это говорит об Абигейл Коллинз?

– Я думаю, это говорит о том, что у нас недостаточно информации, – объявила мисс Пентикост, скользнув взглядом по статье о попечителе музея, в чьей истории Ариэль Белестрад сыграла ведущую роль. – Ты же помнишь профессора Уотерхаус?

– Конечно.

Примерно год назад мы посвятили вечер ее лекции. Антрополог, профессор университета. Она читала лекцию о том, почему в современной культуре все еще есть место суевериям. Довольно скучная тема, но лекция оказалась такой занимательной, что я даже не заснула. А еще я смутно припоминаю статью на третьей странице «Таймс» о ее драке с толпой поклонников Отца Божьего⁴ в Гарлеме. Когда у паствы пытаются отнять их бога, драка уж точно неизбежна. Даже если этот бог – отъявленный мошенник.

⁴ Отец Божий, он же преподобный Дивайн (1886–1965) – лидер религиозного культа, объявивший себя Богом.

– Спиритический сеанс – очень странное для нее место, – сказала я. – Хотелось бы узнать, что свело ее с Белестрад.

– Да.

В молчании прошло около тридцати секунд, и я подумывала на цыпочках выйти. Иногда мисс Пентикост мысленно произносила «ты свободна», но была слишком погружена в раздумья, чтобы озвучить эти слова.

Я уже собралась переставить ногу, как она спросила:

– Сегодня вечером Хирам работает?

– Не знаю. Наверное. Сегодня же не шабат, а праздники начнутся только через пару недель. К тому же Хирам не особенно следует традициям.

– Он сейчас не спит?

Я посмотрела на часы – половина пятого вечера. Хирам работал в ночную смену и вставал поздно даже по меркам мисс Пентикост, но сейчас как минимум уже встал и завтракает. Это я ей и сказала.

– Позвони ему, – велела она. – Если он сегодня работает, скажи, что мы заглянем к нему около часа ночи.

– Просто чтоб вы знали, на завтра в десять утра у нас назначен визит в дом Коллинзов. Так что имеет смысл лечь пораньше.

Ее взгляд определенно не годился для тетушки-приживалки. Хотя моя единственная тетушка держала придорожную забегаловку и отсидела три года за поножовщину, так что кто их разберет.

Мисс Пентикост глубоко вздохнула и попросила спросить Хирама, можно ли навестить его в одиннадцать вечера.

– А чем мне заняться до этого времени?

Она пожала плечами.

– Действовать сейчас – напрасная трата сил и времени. Нужно выяснить, что знает полиция, что пытается выяснить и с каким преступлением мы имеем дело. Позвони Хираму.

И она снова погрузилась в свои вырезки.

Я спустилась и позвонила Хираму насчет трупа.

Убийства составляли малую часть наших дел. И все же я видела больше трупов на месте преступления и в морге, чем девяносто девять процентов ньюйоркцев. Хотя привыкнуть к такому непросто.

Больше всего меня пугали не самые жуткие тела. Пулевые или ножевые раны, сломанные кости после автокатастроф и падений с крыш – это я могла вынести.

Тяжелее всего с теми, кто выглядит просто спящим.

В какой-то момент я замечала неподвижность. Отсутствие привычного и обыденного: медленного дыхания, пульсации крови под кожей. Я вдруг понимала, что они не просто изображают ленивца. И меня поражало, насколько тонка граница между ними и мной. Одна крупинка яда в моем кофе – и все.

И тогда по спине бежал холодок.

Абигейл Коллинз была чем-то средним. От ног до шеи выглядела прекрасно, если не считать меловой бледности после двух недель в холодильнике морга и надреза после вскрытия. При жизни она явно была привлекательной, выглядела молодо в свои сорок. Дети были на нее похожи.

А выше шеи – совсем другое дело. Кончик языка вывалился из уголка губ, придав ей сходство с проказливым ребенком. Левый глаз налился кровью, а зрачок смотрел под готескным углом. Другой глаз стал уже синевато-белым, как у всех трупов.

– Покажешь мне рану? – попросила мисс Пентикост стоящего рядом человека.

Она никогда ничего не требовала у Хирама. Все только в виде просьб. Она прекрасно знала, как он рискует, когда выпускает нас в морг после закрытия. Своими глубоко посаженными глазами, коротко постриженной бородой и величавыми манерами коротышка Хирам напоминал раввина.

Он работал помощником патологоанатома уже больше десяти лет и повидал немало способов, каким один человек может избавиться от другого. Если бы не еврейское происхождение, сейчас он стал бы боссом своего нынешнего босса. Может, даже коронером, если бы имел достаточно терпения для дипломатии. С другой стороны, профессия вызывала бы неприятие со стороны его общины, сделав парией. Но никто в этой комнате не заблуждался по поводу справедливости общества.

Хирам аккуратно повернул голову миссис Коллинз. Слева, на границе бледного лба и золотистых волос, зиял кратер, от которого отходил неровный разрез длиной в три пальца. Мисс Пентикост провела по нему рукой в белой перчатке.

– Мне сказали, что это от подставки хрустального шара, – объяснил Хирам низким полупшепотом. – От единственного удара, но сильного.

– То есть убийца должен обладать недюжинной силой?

Хирам покачал головой.

– Необязательно.

Поскольку жертва сидела, угол удара ни о чем не говорил, только о том, что она, вероятно, видела убийцу. А значит, это был мужчина или женщина неизвестного роста, сильный или не очень.

Отлично! Можем исключить детей и тех, кто в коме.

Мисс Пентикост осмотрела каждый дюйм тела до кончиков пальцев. У левого запястья миссис Коллинз она остановилась, наклонившись так близко, что нос почти уткнулся в холодную кожу.

– Рассматриваешь синяки? – мотнул головой Хирам.

– Они едва заметны, – сказала мисс Пентикост.

– Скорее всего, возникли незадолго до смерти.

– Дело рук убийцы? – спросила она.

– Трудно сказать. Это уж твоя задача – взвешивать вероятности, Лилиан. Моя задача – заботиться о мертвых.

Я могла бы на пальцах пересчитать людей, называвших ее по имени, да и то загнула бы не все пальцы. Несколько лет назад мисс Пентикост помогла его семье выпутаться из переделки. Еще до меня. В общем, с тех пор он называл ее Лилиан и тайком пускал нас в морг, когда требовалось, а она старалась не злоупотреблять его любезностью.

И все же, прежде чем уйти, я сунула пару купюр из тех пачек Уоллеса в карман его белого лабораторного халата. Хирам не стал сопротивляться. Он был человеком семейным и практичным. Быстро кивнул в знак благодарности и проводил нас к задней двери, в переулок за зданием морга.

«Кадиллак» я припарковала в нескольких кварталах отсюда. Было уже за полночь, и никаких копов поблизости, но все же лучше никому не видеть, как знаменитый детектив прокрадывается в морг. На обратном пути в Бруклин мне показалось, что я заметила хвост. Но после пары кругов по случайным кварталам Манхэттена огни фар за нами пропали. Так что либо я навоображала невесть что, либо это были мастера своего дела.

Дома мисс Пентикост тут же отправилась на третий этаж, а я удалилась к себе. Я спала на той же кровати, что и в первую ночь. Остальное я приобрела на собственные деньги: пару низких книжных шкафов, которые постепенно заполняла детективными романами, слегка потрепанный журнальный столик, торшер и кресло с высокой спинкой, притащенное из дома под снос. Стены я украсила киноафишами в рамках и подписанными программками бродвейских

шоу. Я иногда заглядывала на какой-нибудь мюзикл или программу кабаре, когда получалось. Они немного напоминали о временах цирка. В комнате был небольшой камин, но пока еще недостаточно похолодало, чтобы его зажигать.

Я надела зеленую шелковую пижаму, подарок мисс Пентикост, и легла в постель, медленно переваривая события дня. Запертые комнаты, мстительные духи и мертвые женщины, закрытые в холодной камере... Сверху доносились знакомые звуки: ритм шагов в тапочках, прерываемый резким постукиванием трости.

Когда я наконец-то заснула, мне снился цирк, бьющие в барабаны клоуны и ножи, со свистом вонзающиеся в мишень.

Глава 6

Дом Коллинзов не был точной копией особняка Вандербильтов, но очень близок к тому. Четырехэтажное гранитное здание стояло в центре Верхнего Ист-сайда и серым плоским фасадом напоминало психлечебницу для высшего класса. В дверях нас поприветствовал Сэнфорд – тощий как жердь человек в традиционном наряде дворецкого. Он обладал тщательно уложенными воском седыми усами и характерной отстраненностью профессиональной прислуги.

Прочитав немало детективных романов, я всегда надеялась на то, что убийцей окажется дворецкий. Но, учитывая тщательно отработанное спокойствие Сэнфорда, сомневалась, что он способен хотя бы повысить голос, не то что занести руку для удара. В доме нас с едва скрываемым нетерпением поджидал Рэндольф. Уоллеса, как нам сказали, вызвали на заседание совета директоров, так что экскурсию по дому устроил молодой Коллинз.

– Вчера Ребекка поздно легла, – сказал он с презрением. – Она еще спит.

– Везет же некоторым, – пробормотала мисс Пентикост.

Ей позволено дуться. Ее ведь вытащили из постели на целых четыре часа раньше привычного срока. Но она влила в себя столько кофе, что и мертвого поднимет, и я надеялась, что по крайней мере три из четырех цилиндров ее мотора работают.

Рэндольф надел темно-серые брюки и толстую рабочую рубашку. Когда я что-то сказала по этому поводу, он ответил:

– Позже я должен поехать на фабрику. Там не место для галстуков и костюмов.

Вышло немного натянуто, как у нарядившегося для игры маленького мальчика.

В отличие от мрачноватого фасада внутри дом выглядел приятнее. На первом этаже раскинулись гостиные, столовая, кухня и «скромный бальный зал», как отрекомендовал эту комнату Рэндольф.

На втором этаже находились спальни близнецов, а также кабинет и спальня Алистера. На третьем – хозяйская спальня, которую занимала Абигейл, и несколько пустующих комнат для прислуги. Ни Сэнфорд, ни кухарка, ни горничная не жили в доме. Четвертым этажом почти не пользовались – там была оранжерея и детская.

Я мысленно отметила, что Абигейл и Алистер спали в разных комнатах. Возможно, это что-то значит. Или просто кто-то из них храпел.

Нас провели по первым двум этажам. Это был не самый плохой день для мисс Пентикост, но все же она пару раз споткнулась на лестнице.

Рэндольф повел нас в кабинет, который, по его словам, остался нетронутым после убийства. Я с удивлением обнаружила, что оставили даже черный бархат на стенах и единственном зарешеченном окне. Ткань превратила комнату в темную жутковатую пучину с маячившим посередине старым столом Алистера, вдвое большего размера, чем стол мисс Пентикост. Свечи, окровавленный шелк и, естественно, орудие убийства забрала полиция.

В воздухе висел запах опаленной ткани и бумаги. Сильнее всего пахло рядом с камином, слева от стола.

Мисс Пентикост шагнула внутрь и опустилась в кресло за столом.

Рэндольф остался у порога, пытаясь сохранить невозмутимый вид, хотя ему это и не удалось.

– Полиция настояла, чтобы мы не трогали место преступления, – объяснил он. – Честно говоря, как только все утрясется, мы полностью переделаем эту комнату. Вынесем все и превратим ее в нечто совсем другое.

Кто может их винить? Жизнь обоих родителей самым ужасным образом окончилась в том самом кресле, где сейчас сидела мисс Пентикост. Я бы тоже захотела все кардинально поменять.

– Похоже, замки на ящиках взломали, – заметила мисс Пентикост.

– Полиция, – с ноткой презрения в голосе пояснил Рэндольф. – Если бы нас попросили, мы бы дали ключи, но зачем просить, если можно просто переломать антикварную мебель?

Я бы не сказала, что мебель «переломали», но спорить не стала.

– Ящики были заперты во время вечеринки?

– Да. Они всегда были заперты. Хотя после смерти отца в них не осталось ничего ценного.

Пока босс копалась в столе, я проверила бархатные драпировки. Ткань висела вплотную к стенам и книжным шкафам. Никто не сумел бы за ней спрятаться, не выставив напоказ ступни. Была лишь одна ниша рядом с дверью – проем между книжным шкафом и стеной. Я втиснулась туда и поняла, что места маловато. Здесь мог бы спрятаться только очень маленький человек, да и тот дышал бы с трудом.

– Нашли что-нибудь? – За спиной брата в дверном проеме появилась босая Ребекка в белой шелковой пижаме. После сна ее светлые кудри были всклокочены.

– Спасибо, что оказала нам честь своим присутствием, – буркнул Рэндольф.

– Прости. Я плохо спала.

– Может, если бы ты не приходила домой с рассветом... – сказал он с излишней резкостью.

Но Ребекка его не слушала. Она устала сидеть на стол и стул, на котором сидела во время спиритического сеанса.

– Когда-то я любила этот кабинет. Теперь все в прошлом, – сказала она. – Только спиритического сеанса хватило бы, чтобы отвадить меня отсюда.

– Вы верите в то, что произошедшее во время сеанса было правдой, мисс Коллинз? – спросила мисс Пентикост. – Теперь, когда хорошенько все обдумали?

Ребекка ответила не сразу.

– Пожалуй, нет, – наконец признала она. – Но если та женщина – шарлатанка, то ей удалось меня провести. Мысль о том, что отец говорил со мной из могилы... Это страшное потрясение.

– Дядя Харри потратил круглую сумму, чтобы пресечь слухи, – сказал Рэндольф.

– А у духа вашего отца были причины мстить вашей матери? – поинтересовалась мисс Пентикост.

– Не говорите ерунды, – фыркнул Рэндольф. – Что за глупый вопрос?

– Необходимый вопрос, – отозвалась мисс Пентикост. – Поскольку ваш отец не может быть виновником, значит, кто-то хочет внушить, что это он. То есть подлинный убийца, похоже, считает, что в это поверят.

Рэндольф пробормотал что-то непечатное.

– Иначе говоря, – продолжила мисс Пентикост, – были ли отношения между вашими родителями теплыми при жизни отца?

– Да, – выпалил он. – У них были прекрасные отношения. Они были счастливы.

Ребекка промолчала.

– Кто-нибудь задавался вопросом, что смерть вашего отца была не самоубийством?

Вопрос словно разворошил осиное гнездо.

– Нет! Какую бы грязь ни пыталась выудить пресса, всем было ясно, что...

Он снова принялся выплевывать ругательства. Ребекка тронула его руку, и Рэндольф тут же осекся.

– Послушайте... Нанять вас решил дядя Харри. Я уговаривал его обратиться к людям, с которыми мы уже имели дело, к компании, которой мы доверяем. Но теперь вы с нами и должны распутать все это, а не копаться в грязном белье. Ясно же, что ко всему приложила руку эта Белестрад. Почему бы вам не поговорить с ней?

Я была склонна с этим согласиться, но все равно с трудом подавила порыв сказать, куда он может засунуть свои предложения. Мисс Пентикост только вздернула голову, будто изучая полотно весьма посредственного художника.

Ребекка уже открыла рот, собираясь что-то вставить, но тут в кабинет сунул голову Сэнфорд и с бесстрастным лицом сообщил:

– Вернулся мистер Уоллес. Он ждет вас в гостиной.

Мисс Пентикост смахнула пылинку с жакета и повернулась ко мне.

– Уиллоджин... ты не могла бы завершить осмотр комнаты? Мне нужно задать кое-какие вопросы мистеру Уоллесу.

– Конечно, босс, – отозвалась я и обратилась к близнецам: – Не возражаете, если я сниму ткань? Так будет проще.

– Делайте что хотите, – ответила Ребекка. – Я все равно сюда не войду.

Мисс Пентикост последовала за Рэндольфом вниз. Ребекка свернула направо.

– Приму душ и оденусь, – бросила она через плечо. – Скоро спущусь.

Рэндольф только что-то злобно буркнул.

Я досчитала до двадцати, вышла из кабинета, тоже свернула направо и остановилась перед дверью в спальню Ребекки. За годы совместной деятельности мы с мисс Пентикост разработали кодовую систему. Когда она называла меня Уиллоджин, это значило, что мне следует расширить зону поисков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.